

Протоиерей Николай Балашов

И сотворил Бог мужчину и женщину: Комментарии к Социальной концепции Русской Православной Церкви.

Меняется ли учение церкви?

- Отец Николай! Прежде, чем мы начнем говорить о проблемах современной семьи, хотелось бы пояснить читателям - зачем понадобился этот новый документ: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»? Разве учение Церкви не остается неизменным?

- «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8). И Благая весть о Нем, которую проповедует Церковь, по существу тоже не меняется. Но ведь люди, к которым обращена эта проповедь, - они меняются, потому меняется и язык, на котором говорит Церковь. Изменчива культура, изменчивы условия жизни людей. И в наше время эти перемены происходят особенно быстро. У человеческого общества возникают новые вопросы, на которые Церковь обязательно должна ответить. Если ответы новые, это не значит, что они придуманы, возникли на пустом месте. Они основаны на вечном Евангелии, на Священном Предании Церкви. Корни всего, чему Церковь учит, уходят в многовековую сокровищницу церковной мысли. Но церковное учение должно быть выражено ясным языком, понятным нашему современнику. И на возникающие именно теперь вызовы самой жизни должны быть найдены ответы, рождающиеся из творческих усилий богословской мысли. Утверждать, будто святыми отцами в прошлом все уже сказано, а нам нечего к этому добавить, значит не верить, что Дух Святой и ныне действует в Церкви, как в прежние времена. В жизни нашей страны после падения диктатуры безбожия произошли огромные перемены. Новые тенденции развиваются и во всем мире - в светском, обезбоженном обществе, окружающем Церковь. Все эти изменения Церковь не вправе оставить без ответа. Такой ответ нельзя просто выдумать в процессе каких-то кабинетных размышлений.

Одна из главных задач, поставленных перед Церковью сегодня - осмыслить жизнь христианина в окружающем его светском мире. Когда-то существовали христианские государства. Во всяком случае, они себя называли таковыми. Потом мы жили в государстве атеистическом, основанном на идеологии, чуждой верующему человеку. А теперь вокруг нас общество, которое включает людей различных религиозных убеждений, а вместе с тем и людей без всякого определенного отношения к религиозным вопросам. Есть в этом обществе, конечно, и люди, относящиеся к Церкви враждебно. Но большинству из наших современников Христос и вера в Него просто безразличны. Они не понимают, какое отношение все эти религиозные вопросы могут иметь к их повседневной жизни, к тому, что для них действительно важно.

«Основы» - это, во всяком случае, попытка говорить с позиций веры о том, что интересует многих людей. О политике и о спорте, о законах и о собственности, о войне и мире... И, конечно, о семье и о любви.

Например, теперь все чаще можно слышать, что семья будто бы устарела, и общество будет развиваться в направлении «множественности форм совместной жизни». Разве может Церковь просто промолчать, оставить без ответа такую мысль? И это не только неверующие говорят, среди людей весьма религиозных тоже приходится встречать такое отношение к разным семейным вопросам, которое с православной верой трудно совместить. И, к сожалению, советы, которые можно бывает услышать от бабушек, порой оказываются не только непохожими, но даже противоположными. А бывает и так, что сторонники разных взглядов самоуверенно «вешают» и учительствуют от лица всей Церкви, а всякого, кто думает иначе, объявляют еретиком, хотя в действительности-то Церковь по этому вопросу точных и окончательных суждений никогда не выносила.

Речь, конечно, не о том, чтобы «сверху» ввести в жизнь Церкви абсолютное единогласие и раздать всем бабушкам и их пастве подробнейшие инструкции на случай всех мыслимых и немыслимых житейских ситуаций. Такое «законничество» совсем не в духе православного благочестия. Определенные разномыслия всегда были в Церкви и всегда будут, потому что Бог, к счастью, создал нас всех удивительно разными и наделил нас различными призваниями, многообразными дарами. Но есть грань, за которой разномыслие допустимое и даже обогащающее Церковь переходит в искажение православного учения. Вовремя указать такие границы, - именно этим во все времена занимались церковные Соборы. На них авторитетно выражается голос Церкви, формулируется ее учение о правой вере и правой жизни по воле Божией. Куда это годится, когда люди приходят на исповедь и слышат от одного духовника: «Если вы с мужем не венчаны - причащаться вы не можете!», а от другого могут услышать прямо противоположное? Один говорит, что брак дело хорошее и благословенное, но кандидата в жены или мужья лучше подберет сам бабушка. Другой же священник настаивает, что сейчас вообще не время вступать в браки (будто бы, так утверждают некие святые отцы), что наступило последнее время и христианам давно пора забыть о семье и о детях. Вот недавний пример: по нашим храмам стала довольно широко распространяться листовка с текстом новогодней проповеди, которую приписывают одному из архипастырей. И там есть такие слова: «Выбирайте - или вы кормите детей и в погибель, в муку вечную уходите или голодной смертью умираете... Время свадеб кончилось, сейчас время покаяния». Перед нами - образец суждения такого рода, которое Церковь отвергла еще в IV веке как искажение ее учения. Проповедники подобных взглядов уже тогда были осуждены и анафематствованы. И сейчас Церковь не может оставлять без внимания подобного рода крайности, которые явно не вписываются в здравый образ духовного руководства.

- *Как готовились «Основы социальной концепции»? Учитывались ли при выработке их положений разумные разномыслия в Церкви, о которых Вы говорили?*

- Церковь всегда откликалась на события в жизни общества. Но каждому понятно, что в течение многих десятилетий господства безбожия в нашей стране голос Церкви не мог звучать свободно. Начиная с 1988 года, наша Церковь стала постепенно «расправлять плечи», все более открыто высказываться по поводу

происходящих в стране и в мире перемен - иногда приветствуя их, но вместе с тем и указывая на возникающие угрозы для блага народа, на искажения правды Божией, рождающиеся в общественной жизни.

В 90-е годы стало ясно, что отдельных определений Соборов, заявлений Священного Синода, выступлений Святейшего Патриарха уже недостаточно - надо постараться систематизировать церковное учение об отношении Церкви к миру, к государству, к политическим процессам, к светскому обществу, к развитию науки, к вопросам экономики. Конечно, невозможно сразу высказаться обо всем и подробно. Но нужно заложить хотя бы основы, обозначить контуры дальнейшего развития творческой церковной мысли, которые затем трудами иерархов и пастырей, ученых и богословов, самой практикой Церкви будут обогащаться и наполняться все более ярким содержанием.

В декабре 1994 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял решение, что нужно выработать всеобъемлющую концепцию, которая отражала бы общецерковный взгляд как на вопросы отношений между Церковью и государством, так и на проблемы современного общества в целом. Священный Синод учредил для этого рабочую группу по подготовке проекта. В нее вошли архиереи, священники, профессора духовных школ, сотрудники различных синодальных отделов - первоначально 26 человек. Возглавил ее постоянный член Священного Синода, председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Впоследствии выяснилось, что необходимо привлекать к работе и новых членов, специалистов в разных областях знаний.

Работа продолжалась в течение нескольких лет. Как правило, кто-то готовил первоначальный проект раздела или отдельных параграфов, потом этот текст обсуждался на нескольких совместных заседаниях, вносились поправки, добавления, иногда текст переделывали полностью. Тем членам группы, которые жили далеко от Москвы и не могли приезжать на каждое заседание, проекты направлялись по почте, чтобы каждый мог внести свой вклад.

Одни абзацы принимались легко и быстро, другие обсуждались часами, потому что в составе рабочей группы были представители разных воззрений, в том числе различных политических ориентации. Ведь нужно было выработать такой документ, который отражал бы взгляды всей Церкви, а не какого-то одного направления церковной или общественной мысли. Старались взвешивать каждое слово. В общем, каждая страница впитала труд многих людей, так что даже первоначальный проект был уже, в каком-то смысле, «соборным» документом.

В феврале 2000 года предварительные результаты работы обсуждались на Богословской конференции Русской Православной Церкви «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия», в мае - на специально созванном симпозиуме «Церковь и общество - 2000», в котором приняли участие не только богословы, но и видные светские ученые, общественные деятели. По результатам этих обсуждений в текст было внесено много дополнений и уточнений. Затем последовало детальное обсуждение проекта на заседании Священного Синода. Потом вновь доработанный документ раздали всем членам Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, заседавшего в августе 2000 года в храме Христа Спасителя. Несколько часов на Соборе продолжалась оживленная дискуссия. А закончилась она тем, что Преосвященные Архипастыри единогласно одобрили «Основы социальной

концепции», признав, что подготовленный документ согласен со словом Божиим и Преданием Церкви.

Кому адресованы «Основы социальной концепции»?

- Кому адресованы «Основы»? Это инструкция для священников?

- Нет, это документ для всех - для архиереев и священников, монахов и монахинь, для всех верующих, «сверху донизу». «Основы» будут изучать в духовных семинариях и академиях; надеемся, приходские священники будут объяснять этот документ своей пастве. Со временем, несомненно, понадобятся новые тексты, разъясняющие или дополняющие этот труд. Но составлялся он так, чтобы служить Церкви в течение длительного времени. Именно поэтому в нем не рассматриваются многие проблемы, актуальность которых хоть и острая, но скоропреходящая.

- Возможен ли пересмотр отдельных положений, которые вошли в «Основы социальной концепции»?

- В соборном Определении сказано, что «по мере изменения государственной и общественной жизни, появления в этой области новых значимых для Церкви проблем, основы ее социальной концепции могут развиваться и совершенствоваться. Итоги данного процесса утверждаются Священным Синодом, Поместным или Архиерейским Соборами». Значит, пока изменения не одобрены Соборной властью, документ во всей полноте сохраняет обязательное значение для всех членов Русской Православной Церкви.

Созданные друг для друга

Отношения полов в свете Божественного Откровения

И мужчина, и женщина в равной степени являются носителями образа Божия и достоинства человеческой личности. Но созданы они разными. Конечно, их различают не только физиологические особенности. Они по-разному воспринимают мир. У каждого пола свое, особое призвание. «Мужчина и женщина являют собой два различных образа существования в едином человечестве», - говорится в «Основах» (X. I)¹. Будучи разными, они нуждаются друг в друге, они дополняют друг друга; именно вместе, в общении, они обретают полноту бытия.

- А как же девство - разве оно не выше брачного состояния? Неужели монахи и монахини живут ущербной, «неполной» жизнью?

- По этому вопросу в «Основах» ясно сказано: «Высоко оценивая подвиг добровольного целомудренного безбрачия, принимаемого ради Христа и Евангелия, и

¹ Здесь и далее «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» цитируются без дополнительных пояснений по изданию: «Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». М.: «Даниловск. благовестник», 2000.

признавая особую роль монашества в своей истории и современной жизни, Церковь никогда не относилась к браку пренебрежительно и осуждала тех, кто из ложно понятого стремления к чистоте унижал брачные отношения» (X. 1). Девство и монашество - это особые призвания, редкие дары, о которых Спаситель наш сказал: «Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:12). В общении с Единым Господом монашествующие, несомненно, способны обрести всю полноту жизни. Однако для большинства людей путь к их личной реализации лежит все же через общение с другими людьми, особенно - с самыми близкими, составляющими их семью.

- Тем не менее, приходится слышать, что среди некоторых духовников распространилось правило: благословлять своих «духовных чад», чаще всего - девушек, именно на монашество - так как в миру, по их мнению, сейчас «не спасешься».

- Да, это одно из опасных искажений церковного учения, на которое надо было дать православный ответ. Подобные настроения особенно бывают свойственны неопитам, недавно обратившимся в Православие. Среди них встречается этакое брезгливое отношение к вопросам пола. Отношения полов, телесная близость кажутся им чем-то низменным, подозрительным, о чем и говорить-то невозможно. Конечно, не менее опасно и другое, прямо противоположное представление, которое едва ли не господствует ныне среди нерелигиозных людей, хотя можно его встретить и среди тех, кто относит себя к верующим. Заключается оно в том, что принимается нравственно опасная точка зрения, при которой считается: отношения полов - нечто вполне естественное, но с нравственными обязательствами связанное не больше, чем, скажем, прием пищи или удовлетворение иных естественных потребностей. Дескать, мужчина есть мужчина, женщина есть женщина, только не надо все это связывать с такими устаревшими понятиями, как верность до гроба... Семья, дети, пеленки, тарелки - это совсем, дескать, не обязательно.

Что же касается утверждений, будто лишь в монашестве можно сегодня спастись... Апостол Павел, как известно, избрал путь девства и призывал имеющих такой же дар подражать ему (см.: 1 Кор. 7:8). Однако в 1 Послании к Тимофею мы читаем очень суровые слова о мнимых аскетах, запрещающих вступать в брак: такие люди обвиняются Апостолом в лицемерии и даже названы «сожженными в совести своей» (1 Тим. 4:2).

51-е Апостольское правило угрожает священникам лишением сана, а мирянам - отлучением от Церкви, если кто из них «удаляется от брака... не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв... что Бог, созидая человека, мужа и жену сотворил их, и таким образом, хуля, клеветает на создание». Подробнее эту мысль развивают 1-е, 9-е и 10-е правила Гангрского собора (IV век): «Если кто порицает брак и гнушается женою верною и благочестивою, с мужем своим совокупляющеюся, или порицает оную, как не могущую войти в Царствие Божие, да будет под клятвою.

Если кто девствует или воздерживается, удаляясь от брака, как гнушающийся им, а не ради самой красоты и святости девства, да будет под клятвою. Если кто из девствующих ради Господа будет превозноситься над сочетавшимися браком, да будет под клятвою».

На эти каноны сравнительно недавно уже ссылался Священный Синод Русской Православной Церкви, указав на «недопустимость негативного или высокомерного отношения к браку» в своем Определении от 28 декабря 1998 года, посвященном извращениям духовнической практики.

Почему же неправославное отношение к телесному аспекту супружеской близости оказывается таким живучим? И вообще, почему даже самые замечательные и актуальные решения Священноначалия нередко как бы «не доходят» до адресатов, не вызывают желания их реализовать в пастырской практике? Почему у нас продолжают распространяться, главным образом, среди недавно рукоположенных священников (преисполненных избытком ревности и, к сожалению, иногда страдающих недостатком разума), всякие поверхностные и опасные для Церкви и для пастырской практики суждения? Нередко в этом виновата и паства, склонная принимать ригоризм за признак истовой набожности. А для пастырей, желающих как-нибудь «прославиться», проповедь мнимого аскетизма становится прикрытием богословского невежества и недостатка любви к людям.

Мотив гнушения плотью, какой-то затаенной ненависти к человеческому телу - это старая болезнь ложной духовности. Из истории видно, что она обычно обостряется в переломные эпохи, когда у людей возрастает чувство неуверенности в стабильности окружающего мира. На закате Римской империи получили большое распространение идеи гностических сект и манихеев, учивших, что тело - темница души, плоть - могила, из которой душа должна выпорхнуть. Это - представления, совершенно чуждые христианскому восприятию! Священное Писание говорит о целостном человеке, состоящем из духа, души и тела. Когда эта целостность разрушается - человек умирает.

Ползучие ереси подспудно существуют в теле церковном - подобно тому, как дремлет до поры до времени вирус, затаившийся в человеческом теле. А при определенных условиях болезнь снова выползает наружу. Например, Церковь давным-давно осудила арианство, а сейчас в нашей стране одна из самых распространенных сект - это свидетели Иеговы, которые по своей христологии как раз являются проповедниками арианства...

Нам надо быть внимательными к опасности возрождения казалось бы забытых ересей, когда-то осужденных Церковью. А еретическим может быть не только отношение к Богу, но и отношение к человеку. - такое отношение, которое унижительно для богоподобного человеческого достоинства. Один из примеров неправославного отношения к человеку можно видеть, когда в падшем человеке все провозглашается прекрасным, в том числе и его животные инстинкты, которым предлагается дать полную свободу - то есть освободить их от контроля духа. И тогда человек нравственно деградирует и становится хуже животного. С другой стороны, есть совершенно противоположная крайность, когда вся человеческая телесность признается каким-то изначально злым вместилищем греха. Но ведь человеческое тело не только вместилище греха - оно может быть и вместилищем святости.

- А как же быть тем православным, которые на приходах сталкиваются с подобным отношением священника? Идти на конфликт с батюшкой?

- Если он явно учит не тому, что исповедует вся Церковь, то сообщить об этом духовному начальству - не только не грех, но и обязанность христианина. Если батюшку вовремя поправят, он же сам потом спасибо скажет, коли не впал еще в крайнее, неисцелимое самообольщение. И уж во всяком случае, никто не возбраняет прихожанам найти себе более опытного руководителя, если они получают неудовлетворительные или противоречащие церковному учению ответы на духовные вопросы.

Равные, но разные.

Православная оценка феминизма

- Церковь довольно часто упрекают в невнимании к женщине и ее правам. Насколько правомерны такие упреки?

- Действительно, в практической церковной жизни не так уж редко приходится встречаться с недооценкой женщин, с невнимательным отношением к их нуждам и к их особым дарованиям. Но давайте посмотрим, является ли такая практика отражением вероучения Церкви, укоренена ли она в церковной традиции, или мы имеем дело с искажением основоположных норм Предания.

Вспомним для начала дохристианский мир. Вот уж где действительно было практически общим местом представление о женщине как о низшем существе по сравнению с мужчиной! Плохо зная историю, мы порой забываем, что Церковь Христова впервые во всей полноте раскрыла достоинство и призвание женщины. Да, за долгие два тысячелетия Православная Церковь никогда не рукополагала женщин в сан священника или епископа (хотя диакониссы занимали некогда довольно видное место в служении Церкви миру). Однако несравненно выше всех епископов, митрополитов, патриархов Православная Церковь чтит и чтит «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим». Почитание Пресвятой Богородицы, благословенной между женами (Лк. 1:28), дало религиозное обоснование самому возвышенному отношению к женщине. Потому что Благодатная Мария, Которую, по евангельскому пророчеству, «ублажают все роды», явила высшую степень нравственной чистоты, духовного совершенства и святости, до которой смогло подняться человечество. «В Ее лице освящается материнство и утверждается важность женского начала. При участии Матери Божией совершается тайна Воплощения; тем самым Она становится причастной к делу спасения и возрождения человечества» (X. 5).

И разве она одна заняла столь высокое положение в благодарной памяти Церкви? А евангельские жены-мироносицы, а сонмы мучениц, а равноапостольные Нина, Елена, Ольга и множество других праведных жен?

С самого начала христианской истории женщины деятельно участвовали в созидании церковной общины, в богослужении, в трудах миссии, проповеди, воспитания, благотворительности .

Спросим любого пожилого священника, хорошо помнящего годы гонений в нашей стране: на ком тогда держался церковный приход? А сегодня - разве не на них же, долготерпеливых и верных делу Божию, держатся наши храмы, особенно новые, устрояемые подчас «с нуля»...

Имея такой опыт участия женщин в жизни церковной общины, мы не сомневаемся, что и в жизни всего общества деятельное участие женщин весьма ценно и важно. Женщины во всяком случае не менее, чем мужчины, способны отстаивать те вековые нравственные ценности, которыми живет народ. Поэтому политическому, культурному, социальному равноправию женщин с мужчинами Церковь, не колеблясь, говорит «да».

Но тут надо сделать важную оговорку. О каком равенстве идет речь? Будут ли мамы с папами вынашивать и рожать детей по очереди, по очереди выкармливать их молоком? Нет, такого, кажется, не предлагают еще даже наиболее ревностные сторонники или сторонницы равенства полов. Все-таки Бог предусмотрел иначе. Значит, участие женщин в экономике, политике, общественной жизни должно строиться с учетом жизненно важной, неотъемлемой их роли в качестве жен и матерей. Производственные и политические заботы не должны восприниматься как что-то безусловно более важное, чем служение женщины в семье.

Слово Божие, да и простой здравый смысл учат нас простой истине:

«Фундаментальное равенство достоинства полов не упраздняет их естественного различия и не означает тождества их призваний как в семье, так и в обществе» (X. 5).

Ну неужели желанное равноправие состоит в том, чтобы женщины наравне с мужчинами занимались тяжелым физическим трудом? Или, например, такими видами спорта, которые представляют угрозу для их будущего материнства? Неужели механическое деление поровну между полами рабочих мест в парламенте, в правительстве, в научном институте, где угодно еще, - возвысит женское достоинство? Всякий знает: не только рожать детей, но и многое другое делать у женщин получается лучше. Так уж их устроил Господь. А что-то иное лучше, как правило, удается мужчинам. Их Творец тоже не обделил талантами. Вот поэтому, как сказано в «Основах», Церковь «усматривает назначение женщины не в простом подражании мужчине и не в соревновании с ним, а в развитии всех дарованных ей от Господа способностей, в том числе присущих только ее естеству... Стремление уничтожить или свести к минимуму естественные разделения в общественной сфере не свойственно церковному разуму».

Кто в доме главный?

- Но мы не можем закрывать глаза на такие реалии наших дней, когда ввиду экономических осложнений очень часто именно жена приносит в семью деньги и, отчасти в связи с этим обстоятельством, претендует на главенство. Мужчина же даже в православных семьях иногда занимает роль некоего пассивного потребителя. У него нет ответственности за семью. Можно ли говорить о серьезном смещении

нравственных ценностей вопреки тому, что заложено Богом и утверждается Церковью? Как в этой ситуации себя вести и духовникам и пастве?

- Это получается из-за того, что у нас нет настоящего, хорошего полового воспитания. Мужчины не готовы быть мужьями и главами семей, а женщины не готовы с любовью, со смирением и с полным пониманием высоты своего призвания принять то место в жизни, которое соответствует их природе. Слишком мало мы уделяем в пастырстве этим вопросам, начиная с самого раннего детства. Что же касается ситуации, когда все материальные заботы легли на плечи жены... Если мужчина не работает потому, что ему не хочется и он предпочитает акафисты читать в то время, как его жена должна хлебом всю семью обеспечивать, это явно свидетельствует о нравственно ущербном характере личности. Если же он временно оказался в таком положении, тогда почему их роли в семье должны радикально пересматриваться оттого, что в данный момент жена зарабатывает больше денег? Конечно, в семьях встречаются очень разные сочетания характеров. Иногда бывает, что жена более решительна, у нее более выражены волевые качества. Но эти особенности не упраздняют общих закономерностей. Задача Церкви - рассказать, что является нормой с точки зрения Православия.

- Поддерживая идею равноправия полов, может ли Церковь, как и прежде, считать обязанностью жены повиноваться мужу и даже «убояться» его, как предлагает диакон (обыкновенно с особым «громогласием»), заканчивая чтение апостольского послания на брачном венчании (Еф. 5:33)?

- Ключ к правильному пониманию этих слов - в начале того же отрывка, где апостол Павел призывает не только супругов, но и всех христиан повиноваться «друг другу в страхе Божиим» (ст. 21). Конечно, в словах Писания об особой ответственности мужа, который призван быть «главою жены», любящим ее, как Христос любит Свою Церковь, а также о призвании жены повиноваться мужу, как Церковь повинует Христу (Еф. 5:22-23; Кол. 3:18), никак нельзя усматривать поощрение мужского деспотизма или закрепощения жены. Речь идет о первенстве в ответственности, заботе и любви. Каждый из супругов - самый важный: каждый в своем, каждый по-своему. Ведь «ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо, как жена от мужа, так и муж: через жену; все же - от Бога» (1 Кор. 11:11-12).

Но если мнения супругов на семейном совете разделятся - что будем делать? Похоже, принципы демократии тут не помогут: ни у кого не будет большинства голосов. Бесплодные споры и противостояния разрушают любовь и понапрасну истощают силы обоих супругов. Остается лишь прислушаться к голосу нашего Создателя: назначение и призвание мужа - быть первым в жертвенной самоотдаче, быть защитником, принимать решения и, конечно, отвечать за их результат. Это сознание первенства в ответственности начинается с детства. Уже тогда мальчика надо готовить к отцовству, к тому, что он будет отвечать за жену, за детей, что ему предстоит поддерживать их и обеспечивать всем необходимым.

- А нужно ли православным половое воспитание - ведь само это понятие дискредитировало себя?

- Эта тема в последние годы занимает видное место на страницах православной прессы. Дискуссия была спровоцирована неприемлемыми для верующего человека

программами, которые стали насаждаться в общеобразовательных школах - порой при финансовой поддержке, заставляющей подозревать не слишком чистые мотивы организаторов. Протесты православной общественности и многих педагогов в ряде областей России привели к отмене или пересмотру безнравственных учебных программ.

Однако слабым местом этой публичной кампании является острая нехватка других, хороших и нравственных программ, предложенных христианскими воспитателями. Проблема заключается в том, что мы, понимая, насколько безобразны некоторые примеры полового «просвещения», предлагаемые учащимся в наших школах, часто ничего не можем этому противопоставить, кроме стыдливого умолчания о вопросах пола. Полемика, по существу, сводится к спорам, нужно ли вообще говорить детям «про это». И, судя по письмам разгневанных родителей, по заметкам возмущенных педагогов в некоторых епархиальных газетах, большинство православных (во всяком случае, взрослых) полагает, что не нужно. Тут есть, о чем подумать. Ведь наши дети откуда-то должны узнавать (и откуда-то узнают в самом деле!) правду об отношениях между мужчиной и женщиной. Означает ли это, что православные верующие выбирают «традиционные» для советского общества способы обучения страшным тайнам пола в летних лагерях (ранее - пионерских), а также в подворотне или на лестнице? Потому что если детям не говорят «об этом» ни в семье, ни в школе, то ведь откуда-нибудь они все же получают свои первые опыты полового воспитания. И нет оснований предполагать, что соответствующая информация доходит до них в нравственно отфильтрованном виде.

Худо, что мы, владея христианским пониманием святости, возвышенности, чистоты отношений между мужчиной и женщиной, не в состоянии бываем донести эти знания до наших детей и подростков. На те негодные, действительно заслуживающие осуждения программы полового «просвещения», которые предлагаются в школах, мы должны были бы ответить не только протестом и возмущением, но и своими православными, целомудренными программами воспитания наших детей и юношества в этой области. Это одна из важнейших задач христианских педагогов. Мы должны заниматься этим и в воскресных школах, а также готовить такие программы, которые могли бы быть приняты и в государственных, и муниципальных учебных заведениях.

Следует честно признать: если мы не научимся бережно и целомудренно, но вместе с тем понятно и правдиво, не слишком рано, но и не чересчур поздно рассказывать нашим детям об отношениях полов в том духе, который совместим с нашей верой и нашими представлениями о нравственности, - мы неизбежно отдадим это важное дело в руки людей, далеких от христианских нравственных норм. В «Основах социальной концепции» этой теме посвящен особый абзац:

«Понимая, что школа, наряду с семьей, должна предоставлять детям и подросткам знания об отношениях полов и о телесной природе человека, Церковь не может поддержать тех программ "полового просвещения", которые признают нормой добрачные связи, а тем более различные извращения. Совершенно неприемлемо навязывание таких программ учащимся. Школа призвана противостоять пороку, разрушающему целостность личности, воспитывать целомудрие, готовить юношество к созданию крепкой семьи, основанной на верности и чистоте» (X. 6).

Чистота «среди растления похотью»

- Сейчас главная атака системы воспитания, ориентированной на диктатуру греха, направлена именно на разрушение семьи. Никаких запретов, многочисленные партнерские «связи» в течение жизни вместо семьи - эти установки открыто пропагандируются в нашей прессе, даются прогнозы, что именно так повсеместно и будет в XXI веке. Как православным отстаивать свое право на нормальную семью и удержаться среди возрастающих соблазнов?

- Процесс разрушения семьи вне Церкви идет, как мы видим, быстро. Может оказаться, что в ходе мирового развития верующие люди, защищающие изначальные, богоустановленные нравственные ценности, окажутся в явном меньшинстве. Но Христос сказал: «Не бойся, малое стадо!». А еще важно видеть, что ситуация в современном обществе во многом определяется неправой жизнью самих православных христиан. Верят-то они в Бога вроде бы правильно, все догматы у них истинные, а образ жизни - не убеждает. Мы знаем из свидетельств древних авторов, что ранние христиане обращали языческое окружение прежде всего образом своей жизни, в том числе - чистотой и верностью в семейных отношениях. Так что если православные христиане будут жить своей православной верой, если образ их семейного бытия станет вдохновляющим примером для окружающих, тогда и люди, сейчас далекие от веры и от Церкви, убедятся в том, как хорошо и радостно прислушиваться к Божиим заповедям.

- Насколько велика опасность, что церковные люди, подвергаясь пропаганде «безопасного секса», не устоят в чистоте и поддадутся на соблазн снижения нравственной планки? В этой ситуации каковы особенности воспитания молодых прихожан?

- Невозможно повысить нравственность путем истребления контрацептивов. Это не решение вопроса. Разрушение христианских нравственных норм в обществе совершенно естественно является результатом того факта, что у нас несколько поколений воспитаны в условиях тотального атеизма. Война с грехом, это не война «против крови и плоти», как говорит апостол Павел (Еф. 6:12). Это духовная борьба. И все определяется в сердце человека. Я не думаю, что мы сейчас можем искусственно вернуть общество в те времена, когда не было возможности грешить безнаказанно.

Да, христиане живут в обществе, в котором все более и более размываются те нравственные ценности, которые укоренены в христианской традиции. И для каждого должно быть ясно, что быть христианином - очень трудно, для этого надо двигаться против течения, удалившись, как говорит Апостол, «от господствующего в мире растления похотью» (2 Пет. 1:4). Но когда мы говорим, что положение с каждым годом становится все хуже, может быть, мы отчасти и преувеличиваем? Почитайте, о чем писали святые апостолы. Вспомним, что мы знаем из истории Рима времен упадка. Разве тогда христиане жили в окружении более здорового в нравственном отношении общества? Очень сомневаюсь!

Важно, что дети видят у себя в семье. Если девочка или мальчик, возвращаясь домой, застают там двух людей, которые бесконечно устали друг от друга, смертельно

друг другу надоели, у которых на самом деле не осталось ничего общего, кроме квартиры и какого-то быта, тогда, конечно, идея «безопасного» и безответственного секса встречает понимание - почему бы и нет? Но если ребенок дома видит людей, которые любят друг друга, дорожат друг другом и с годами все больше сродняются, - то есть надежда, что и он со временем создаст подобную семью.

В Православной Церкви секса нет? или Может ли устареть целомудрие?

- В одном из публицистических фильмов приводится поразительный диалог с 15-летней девушкой, пришедшей в больницу, чтобы избавиться от ребенка. Журналист спрашивает, как она относится к целомудрию. В ответ - удивленно вскинутые глаза: «А что это такое? Я не слышала...». А действительно - что на самом деле означает это полузабытое нынче слово – целомудрие?

- Целомудрие - это, как ясно из самого слова, мудрая устремленность к обретению и сохранению целостности, внутреннего единства личности, пребывающей в согласии душевных и телесных сил. Целомудрие в действительности охватывает все стороны человеческой жизни, поэтому неверно сводить смысл этой добродетели лишь к половому воздержанию. Тем не менее половая распущенность, несомненно, является противоположностью целомудренного состояния. Блудная жизнь не остается без последствий, она неизбежно разрушает гармонию и целостность души. Немногие грехи наносят столь же тяжкий урон духовному здоровью личности. «Бегайте блуда», - писал апостол Павел. И вот как он пояснял свою мысль: «Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела», то есть разрушает самого себя. Продолжая, Апостол говорит, что Бога недостаточно прославлять лишь в душе. Сейчас люди часто говорят: ну, я верю в Бога в душе. Но наше тело тоже должно быть свято, оно тоже принадлежит Богу и призвано прославлять Его, будучи храмом живущего в нас Святого Духа (1 Кор. 6:18-20). А присутствие Святого Духа в нашем теле несовместимо с половой разнузданностью. «Блудники... Царства Божия не наследуют», - утверждал апостол Павел, повторяя эту мысль вновь и вновь (1 Кор. 6:9-10; ср. Гал. 5:19, 21; Еф. 5:3, 5).

Однако последствия блуда наступают не в будущем только, загробном бытии, они настигают человека и в земной его жизни. Распутство отделяет телесные проявления пола от жизни души, от любви, верности, ответственности. Тем-то оно и страшно. В жизнь человека вносится губительное расщепление. Притупляется духовное зрение, ожесточается сердце и становится уже неспособным к настоящей, всеобъемлющей, жертвенной любви. Счастье внутренней гармонии, радость целостного единства, переживаемого в семейной жизни, становятся недоступными для блудника. Он сам себя обкрадывает.

- Но почему же целомудрие, в действительности столь привлекательное, кажется чем-то устаревшим для многих молодых людей?

- К сожалению, призывы к сохранению целомудрия часто не достигают сердец нашей паствы, особенно молодой ее части. Одна из причин - декларативный характер запретов, связанных с сексуальной жизнью. Мы авторитарно говорим «нельзя» и не считаем нужным объяснять почему. А у слушателей наших поучений создается впечатление (надо признать, не всегда ложное!), будто мы - священники, монахи, старшее поколение вообще - испытываем сами и пытаемся навязать им какое-то испуганное отношение к человеческому телу, к половой близости как таковой. Вспоминается дама, немало позабавившая слушателей в одном из первых телемостов с американской аудиторией в годы горбачевской «перестройки». Поползновения идеологически враждебной стороны обсуждать темы сексуальных отношений она пресекла решительным утверждением: «В СССР секса нет!».

Вместе с тем молодые люди и девушки, сколь бы религиозными они ни были, не перестают ощущать заложенное Творцом в их природе стремление к близости. Им трудно проникнуться убеждением, что их тела - всего лишь «сосуд греха», даже если им усердно внушают именно такую ригористическую точку зрения. Кроме того, ведь половое влечение обусловлено не только «зовом плоти». В не меньшей степени за ним стоит потребность в общении, жажда преодоления одиночества. Иными словами, желание любить и быть любимыми.

Правда, последнее желание часто преобладает над первым и даже вытесняет его. Мы не должны закрывать глаза на то, что «в падшем мире отношения полов могут извращаться, переставая быть выражением богоданной любви и вырождаясь в проявление греховного пристрастия падшего человека к своему "я"». Однако православная святоотеческая традиция никогда не считала половую близость следствием грехопадения (хотя на Западе к такому мнению был склонен блаженный Августин и последователи его богословской мысли), но воспринимала ее как часть изначального замысла Божия о человеке, хотя и омраченного в падшем человечестве греховным эгоизмом.

Поэтому и в «Основах социальной концепции» содержатся напоминания о том, что «человеческое тело является дивным созданием Божиим», а «телесные отношения мужчины и женщины благословлены Богом в браке, где они становятся источником продолжения человеческого рода и выражают целомудренную любовь, полную общность, "единомыслие душ и телес" супругов, о котором Церковь молится в чине брачного венчания» (X. 6).

Именно в такой полной общности, неотделимой от жертвенности и ответственности друг за друга - достоинство отношений между мужчиной и женщиной. Вот почему Церковь проповедует целомудрие, а не «свободную любовь», то есть временную телесную близость, освобожденную от верности, от личностной и духовной общности, то есть в конечном счете - от самой любви. Иначе говоря, Церковь выступает за отказ от минутных имитаций любви, неизбежно рождающих лишь чувства стыда, разочарования и усталости, - ради любви настоящей, единственной, вечной и всецелой, захватывающей душу и тело человека. В том и заключается целостная мудрость, чтобы обрести бесценную жемчужину, раз и навсегда отмахнувшись от ее дешевых подделок, - потому что одно и другое просто несовместимы.

Чем страшна порнография?

- Отец Николай! Давайте продолжим отвечать на многочисленные «почему», на которые современные молодые люди часто не получают ответа. Почему нельзя читать так называемые эротические издания? Чем страшна порнография?

- Если свести ответ к одной фразе, можно сказать и так: не тем, что она изображает или описывает, а тем, как это делается.

Бойтся ли Церковь изображения человеческой любви, включая телесный ее аспект? Тем, кто так думает, стоит перечитать Библию. В Вечной Книге мы находим всю правду о жизни - в том числе и немало описаний близости между мужчиной и женщиной. Более того, образы брачной близости используются библейскими авторами в качестве метафор для описания взаимных отношений Бога и Его народа. Святые отцы в таком же духе истолковывали возвышенную эротическую лирику Песни Песней. Но от этого древняя библейская книга не перестала быть ярким гимном брачной любви. Не смущаясь возможными соблазнами, священный автор смело воспевал телесную красоту Суламиты в весьма откровенных выражениях, способных привести в ужас ханжествующих «святош»!

Следуя в русле церковной традиции, «Основы социальной концепции» сочетают высокую оценку целомудренных любовных отношений, «чистых и достойных, по замыслу Божию», с решительным осуждением порнографии, превращающей отношения полов, а также само человеческое тело «в предмет унижительной эксплуатации и торговли, предназначенный для извлечения эгоистического, безличного, безлюбовного и извращенного удовлетворения». Каковы бы ни были цели пропагандистов разврата - коммерческие, политические или идеологические (вспомним секретные инструкции нацистских «политтехнологов» по этому вопросу) - порнография неизменно «способствует подавлению духовного и нравственного начала, низводя тем самым человека до уровня животного, руководствующегося лишь инстинктом».

Особенно вредоносно воздействие порнографической продукции на детей и подростков, часто не способных сознательно противостоять нравственной отраве. Соборный документ констатирует: «В книгах, кинофильмах и другой видеопродукции, в средствах массовой информации, а также в некоторых образовательных программах подросткам зачастую внушают такое представление о половых отношениях, которое крайне унижительно для человеческого достоинства, поскольку в нем нет места для понятий целомудрия, супружеской верности и самоотверженной любви. Интимные отношения мужчины и женщины не только обнажаются и выставляются напоказ, оскорбляя естественное чувство стыдливости, но и представляются как акт чисто телесного удовлетворения, не связанного с глубокой внутренней общностью и какими-либо нравственными обязательствами. Церковь призывает верующих в сотрудничестве со всеми нравственно здоровыми силами бороться с распространением этого диавольского соблазна, который, способствуя разрушению семьи, подрывает основы общества» (X. 6).

Далее напоминает, что к изготовителям порнографической продукции вполне применимы слова Христа: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня,

тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской... Горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18:6-7), - а также 100-е правило Трулльского собора, которым отлучаются от Церкви изготовители «изображений, ...растлевающим и производящих воспламенение нечистых удовольствий».

Таинство любви

Эти слова святого Иоанна Златоуста лучше всего передают православное отношение к браку как вечному единению супругов друг с другом в той особой, исключительной любви и близости двоих, в которой они становятся «уже не двое, но одна плоть» (Мф. 19:5; Быт. 2:24). Ибо, как поясняет тот же святитель, «любовь такова, что любящие составляют уже не двоих, а одного человека, чего не может сделать ничто, кроме любви».

Христиане всегда признавали брак таинством веры, запечатлевали вступление в супружество молитвою и церковным благословением. Отношения мужа и жены они, по слову Апостола, рассматривали в свете возвышенного образа союза Христа и Церкви. «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж: есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела; но, как Церковь повинуетя Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5:22-25, 31-33).

«Те, которые женятся и выходят замуж, должны вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти», - писал в самом начале II века священномученик Игнатий Богоносец (епископы возглавляли тогда каждую церковную общину).

Тертуллиан в III веке упоминает о совместном причащении супругов как подтверждении обетов верности. По его словам, брак, «скрепленный Церковью, подтвержденный жертвоприношением [т. е. Евхаристией], запечатлевается благословением и вписывается на небесах ангелами».

Подобные выражения встречаются и в более поздних святоотеческих писаниях. «Необходимо призвать священников и молитвами и благословениями утвердить супругов в совместной жизни, чтобы... супруги в радости проводили жизнь, соединяемые помощью Божией», - говорил, например, святитель Иоанн Златоуст. Итак, таинство брака изначально признавалось Церковью. Но формы его совершения бывали различными. И существующий у нас особый обряд брачного венчания довольно позднего происхождения - он стал общеупотребительным лишь в конце IX века, да и то лишь для свободных лиц (согласно 89-й новелле византийского императора Льва VI). На рабов этот обычай распространился еще позднее, в конце XI века.

А что же было до того? В течение многих столетий Церковь жила без такого обряда и признавала действительным брак между верующими людьми, который

фиксируется только через публичное объявление в общине, благословение епископа или священника и совместное участие в Божественной литургии. Церковь следовала нормам тогдашнего римского права, согласно которым законным браком признавалось подтвержденное перед свидетелями соглашение между свободными в своем выборе мужчиной и женщиной. Классическое определение языческого римского юриста третьего века Модестина («Брак есть союз мужчины и женщины, общность всей жизни, соучастие в божеском и человеческом праве») перешло во все основные канонические сборники Православной Церкви, включая славянскую «Кормчую книгу».

Исторические памятники свидетельствуют, что и в VI, и в VIII, и в IX веках в Византийской империи законный брак мог заключаться как священником, так и экдиком, то есть своего рода нотариусом. И Церковь не выражала по этому поводу никаких протестов. Браки, заключенные, по-нашему говоря, в гражданском порядке, признавались законными. Состоящие в них супруги не подвергались каноническим прошениям. «Такой же практики придерживается в настоящее время Русская Православная Церковь», - сказано в документе Архиерейского Собора (X. 2). Таким образом еще раз подтверждено уважительное отношение Церкви и к гражданскому браку, засвидетельствованное ранее в Определении Священного Синода Русской Православной Церкви от 28 декабря 1998 года.

Как быть с «невенчанным» мужем?

- Значит, нельзя говорить о гражданском «невенчанном» браке как о блуде? Почему же тогда некоторые духовники не допускают к причастию тех из своих чад, которые по каким-либо причинам не повенчались? Какой ужасный выбор стоит иногда перед православной женщиной, у которой неверующий муж не соглашается венчаться: разводиться с любимым мужем или отказываться от причастия, считая себя блудницей?!

- Да, несмотря на Определение Синода, мы до сих пор встречаемся с тем, что священники, чаще всего молодые, не допускают до причастия людей, которые состоят в «невенчанном», гражданском браке. И это даже в тех случаях, когда речь идет о людях пожилых, в брак вступивших давным-давно. В те времена, скорее всего, оба супруга были людьми неверующими, во всяком случае, весьма далекими от церковной жизни.

Иногда для них в данный момент венчание невозможно хотя бы потому, что только один из супругов стал верующим, церковным человеком, а другой стоит весьма далеко от православной церковности.

Именно такие и подобные им нарушения в области духовнической практики стали, как известно, поводом для вышеупомянутого синодального Определения. В частности, как отмечалось, «некоторые духовники объявляют незаконным гражданский брак или требуют расторжения брака между супругами, прожившими много лет вместе, но в силу тех или иных обстоятельств не совершившими венчания в храме... Некоторые пастыри-духовники не допускают к причастию лиц, живущих в

"невенчанном" браке, отождествляя таковой брак с блудом». Священный Синод признал такие меры неприемлемыми.

Ясно, что «гражданским браком» здесь именуется юридически действительный супружеский союз, а не просто сожительство двух людей, не желающих связывать себя какими-либо «формальными обязательствами».

- Значит, венчаться совсем не обязательно?

- Речь идет совсем не о том. Конечно, Православная Церковь, как указано и в том же Определении Священного Синода, настаивает на важности и необходимости церковного брака для своих членов. Совершением церковного бракосочетания торжественно утверждается создание домашней церкви. Это выражение, часто встречающееся в посланиях апостола Павла (Рим. 16:4; 1 Кор. 16:19; Кол. 4:15; Флм. 1:2), используется в «Основах социальной концепции» для описания христианской семьи. Образ Христа - жениха (Мф. 9:15; 25:1-13; Лк. 12:35-36) и Церкви - жены или невесты (Еф. 5:24; Откр. 21:9) неоднократно употребляются в Священном Писании. Уже одно это говорит об особой внутренней близости семьи и Церкви. «Брак есть таинственное изображение Церкви», - говорил святитель Иоанн Златоуст. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20), - эти слова Господа можно отнести ко всякой семье, в основе которой лежит не только любовь супругов друг ко другу, но и их совместная устремленность ко Христу.

Нет и не может быть оправдания лукавству некоторых верующих, сознательно уклоняющихся от церковного бракосочетания, чтобы не связывать себя слишком серьезными обязательствами («поживем-увидим, может, потом и обвенчаемся»). Как показывает опыт, такой «пробный» брак чаще всего разваливается спустя определенное время.

Однако нельзя забывать, что «на протяжении длительного периода государственного преследования религии совершение торжественного венчания в церкви фактически оставалось крайне затруднительным и опасным» (Х.2). В определенных случаях Церковь способна признать таинство любви свершившимся, хотя обряд брачного венчания и не был совершен. Например, если оба супруга, ранее не являвшиеся членами Церкви, присоединяются к ней, их брак признается действительным и освящается самим таинством Крещения и последующим участием в Евхаристии, не нуждаясь в обязательном совершении дополнительных обрядов.

- А если к вере обратился лишь один из супругов?

- На такой вопрос ясно ответил еще святой апостол Павел: «Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим... Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж:, почему знаешь, не спасешь ли жены?» (1 Кор. 7:12-14, 16).

В Послании апостола Петра также содержится обращение к христианкам, мужья которых - неверующие. Апостол не только не советует своим слушательницам разводиться, но и настаивает, что они должны проявлять особенное внимание и

послушание своим супругам, «чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие» (1 Пет. 3:1-2).

Впоследствии, в 72-м каноне Трулльского собора, со ссылкой на апостольские слова также была подтверждена действительность союза между лицами, которые, «будучи еще в неверии и не быв причтены к стаду православных, сочетались между собою законным браком», если впоследствии один из супругов принял христианство. Уважение Церкви «к такому браку, в котором лишь одна из сторон принадлежит к православной вере» засвидетельствовано и в упомянутом выше Определении Священного Синода 1998 года.

О Христе сказано, что Он «трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит» (Мф. 12:20). А Церковь подражает Христу. Поэтому ее пастырская забота всегда стремится к сохранению, а не к разрушению брачного союза, даже если союз этот страдает определенной неполнотой духовного единства. Всегда ли возможен церковный брак?

- Всякий ли гражданский брак может увенчаться церковным благословением? Церковные правила относительно допустимых брачных союзов строже, чем государственное законодательство многих стран, в том числе и России. Например, Церковь не может одобрить и благословить супружество, если одна из сторон раньше уже трижды состояла в законном браке. То же самое относится к бракам в недозволенных степенях кровного родства. Духовное родство, то есть восприимчивость при крещении, также может оказаться препятствием к браку. В частности, крестный отец никогда не сможет жениться на матери ребенка, воспринятого им от святой купели, а крестная мать не может сочетаться браком с отцом своего крестника.

- Как относиться к своеобразной моде - молодоженам непременно венчаться, если они крещеные, пусть даже нецерковные люди? Такая языческая мода: крестить для того, чтоб здоровым был, а венчаться, чтобы лучше жили. Верующие родители нередко даже ставят условие: венчаться непременно. Да и некоторые священники толкают прихожан на такое принуждение: как, мол, это у тебя молодожены невенчаные! Как расценить такое скоропалительное, без веры венчание? - Никогда не надо торопиться. «Все, что не по вере, грех», - так в слове Божиим сказано (Рим. 14:23). Надо, чтобы в церковный брак люди вступали по вере. И конечно, по вере не в «магическую» силу произнесенных слов, а в то, что Бог - хранитель их семейного союза. Когда люди, сознавая свои немощи и даже свойственное им, быть может, непостоянство, предадут свою совместную жизнь в руки Божий, сознавая, что они слабы, но Бог силен защитить и сохранить навечно целостность их союза, - вот тогда брак будет крепкий. При совершении иноческого пострига новоначальный отвечает на вопрос о готовности к монашескому подвигу: «Ей, Богу содействующу». Он этим выражает свое «да» - и вместе с тем сознание своей немощи. Только если Господь поможет, инок исполнит свой обет. Точно то же относится и к брачным обетам.

Венчание без веры приносит намного больше вреда, чем пользы. Во-первых, если в церковном таинстве, как у нас иногда случается, участвуют

фактически неверующие люди - это не что иное, как профанация таинства. Во-вторых, никакой гарантией от развода церковный брак в таком случае не становится. Если веры нет, если нет желания жертвовать собой и следовать Божиим заповедям, то никакая внешняя сила этот брак не сохранит. Нам совершенно чуждо это полумагическое учение о неизбежной действительности таинств в силу правильно совершенного обряда. Таинство обладает преображающей силой в результате встречи веры человека и воли всемогущего Бога. Когда такая встреча происходит, тогда и рождаются дивные плоды.

А когда этого нет, когда лишь формальная, внешняя сторона обряда совершена, никаких нет гарантий, что этот брак действительно будет прочным. И мы видим, что множество таких браков сейчас распадается. От этого только разрушается вера в людях. Они говорят: «Вот это да! Они и повенчались, а все равно развелись!». Не те или иные правильные слова, произнесенные людьми, становятся залогом целостности супружеской жизни, а только вера и любовь друг ко другу, а также вера и любовь, с которой они вместе устремляются к Богу.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в одном выступлении свидетельствовал на основании опыта: непрочными оказываются союзы людей, которые венчаются или из моды, чтобы не отстать от других, или из желания устроить свадьбу «поромантичнее», либо по настоянию родителей. Мы не язычники, - сказал владыка, - чтобы считать таинство чем-то вроде талисмана. Благодать Божия не спасает сама по себе, без наших усилий. Если жизнь молодоженов будет далека от христианской, если они будут строить семью на эгоизме, а не на заповедях Божиих, то как может венчание сделать такие отношения прочными?

- Как относится Православная Церковь к бракам с неверующими или иноверцами?

- Как уже было сказано, надо всемерно стараться сохранить супружество, заключенное прежде принятия христианства православными мужем или женой. Повидимому, так же следует относиться и к бракам, в которые вступали люди хотя и крещенные, но фактически неверующие или во всяком случае далекие от Церкви. Но это вовсе не значит, будто Церкви безразлично, на ком женятся или за кого выходят замуж ее дети! Одно дело - стремиться к укреплению пусть пока еще и несовершенной в благодатном отношении, но уже существующей семьи. И совсем другое - благословлять и одобрять вступление верующего человека в союз с неверующим или иноверцем. Ведь прочность и целостность этого союза заведомо будет находиться под серьезной угрозой из-за отсутствия единомыслия между супругами в самом главном, в тех высших ценностях, которые определяются именно верой.

Поэтому Церковь, вслед за апостолом Павлом, призывает верующих вступать в брак «только в Господе» (1 Кор. 7:39), - «то есть с теми, кто разделяет их христианские убеждения», - разъясняет документ, принятый Архиерейским Собором. Здесь же говорится: «Общность веры супругов, являющихся членами тела Христова, составляет важнейшее условие подлинно христианского и церковного брака. Только единая в вере семья может стать "домашней Церковью" (Рим. 16:4; Флм. 1:2), в

которой муж. и жена совместно с детьми возрастают в духовном совершенствовании и познании Бога» (X. 2).

Церковные каноны древности безусловно не допускали заключения браков между православными и нехристианами. И в наши дни Церковь не может освящать такие браки венчанием (хотя все же признает их в качестве законных и не приравнивает к «блудному сожителству»).

Многовековая церковная практика показывает, что отношение Православной Церкви к бракам с христианами инославных исповеданий, разделяющими веру в Святую Троицу, традиционно было более снисходительным. Конечно, серьезные разногласия внутри семьи возможны и в этом случае. Но все же они не столь трудно преодолеваются, как в браке с атеистом или последователем нехристианской религии. В России вопрос о смешанных браках приобрел особую актуальность после русско-шведской войны, когда в Сибири оказалось немало пленных лютеранского вероисповедания. Святейший Синод в 1721 году подробно изучил это дело и разрешил шведам жениться на православных невестах - но при условии венчания православным священником и крещения детей в Православной Церкви. На это решение ссылалось Священноначалие и позднее, когда рассматривался вопрос о браках православных с католиками и протестантами в западных губерниях тогдашней Российской империи. Правда, при этом в некоторых случаях дозволялось и более свободное определение вероисповедной принадлежности детей. Известно, что бракосочетания членов Императорского дома во многих случаях также совершались без перехода неправославной стороны в Православие. Исключением был наследник Российского престола - он мог жениться только на православной невесте. Можно вспомнить и пример великой княгини Елисаветы Феодоровны, которая была лютеранкой, когда вступила в брак с великим князем Сергием Александровичем. Лишь позднее, по собственному желанию, она приняла Православие и, как признала Церковь, достигла святости - и в праведной жизни, и в мученической кончине. Опираясь на опыт прошлого, отцы Архиерейского Собора признали возможным «совершение браков православных христиан с католиками, членами Древних Восточных Церквей и протестантами, исповедующими веру в Троидного Бога, при условии благословения брака в Православной Церкви и воспитания детей в православной вере».

Последнее условие может казаться достаточно жестким. Но если вопрос о будущем детей не определен заранее, он почти наверняка станет предметом семейных раздоров в будущем.

А можно нам «развенчаться»?

- Увы, такой вопрос слишком часто задают скоропалительно повенчавшиеся молодожены. Как на него ответить?

- Вот ответ Самого Господа: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает... Кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует» (Мф. 19:6, 9).

К сожалению, сегодня распадаются очень многие браки, в том числе и получившие церковное благословение. В некоторых епархиях епископам порой доводится за день получать до 7-8 прошений о разводах. А ведь всякий развод - это тяжкие душевные страдания супругов (или по меньшей мере одного из них). Наиболее уязвимой и страдающей стороной становятся дети, которым так нужны и папа, и мама! Нельзя отрицать, что ответственность за скорое разрушение многих браков разделяют и священнослужители, не уделившие достаточного внимания подготовке молодоженов к венчанию. Архиерейский Собор обязал всех священников «проводить беседы с желающими вступить в брак, разъясняя им важность и ответственность предпринимаемого шага» (X. 3).

Конечно, одной беседой пастырская забота не должна ограничиваться. Если супруги полноценно участвуют в жизни церковной общины, то их почти неизбежные конфликты вовремя и благополучно разрешатся при содействии общей молитвы, совета духовника, участия в таинствах.

- Изменились ли сегодня причины, по которым возможен церковный развод? Приходилось слышать мнения, что в «Основах» дан вариант, облегченный по сравнению со святоотеческим учением. Так ли это?

- Нет! В документе ясно сказано: «Церковь настаивает на пожизненной верности супругов и нерасторжимости православного брака» (X. 3).

Но что делать с теми супругами, которые по причине греховного несовершенства не сумели сохранить дар благодати, воспринятой ими в Таинстве Брака, не уберегли единство семьи? Просто игнорировать тот факт, что семьи больше нет? Или, наоборот, признать возможность развода по любой причине? Если развод все же существует, должны быть четко оговорены случаи, когда он возможен. И, по указанию отцов Собора, священник должен заранее разъяснить в предбрачной беседе те причины, по которым, в качестве самой крайней меры, может быть допущено расторжение церковного брака.

Список таких оснований для возможного развода был сформулирован Поместным Собором Российской Православной Церкви, который заседал под председательством святого Патриарха Тихона в 1918 году. Прежде всего, это, по слову Самого Господа, прелюбодеяние, которое оскверняет святость брака и разрушает связь супружеской верности. Равносильной причиной является вступление одной из сторон в новый брак. Кроме того, основанием для прошения о разводе могут стать:

- отпадение супруга или супруги от Православия (например, переход в какую-либо сектантскую организацию, сопровождающийся проявлениями враждебности на религиозной почве и понуждением православных членов семьи к измене своей вере);
- противоестественные пороки (например, гомосексуальные связи);
- неспособность к брачному сожитию (но только в случае, если она наступила еще до вступления в брак или стала следствием намеренно нанесенного себе увечья);
- заболевание проказой или сифилисом;
- длительное безвестное отсутствие супруга или супруги;

• осуждение к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния (в настоящее время такой категории уголовных наказаний не существует, но, по всей видимости, пожизненное заключение может рассматриваться как основательный повод к разводу);

- посягательство на жизнь или здоровье другого супруга либо детей;
- снохачество (то есть блудное сожитительство между отцом и женою его сына);
- сводничество (то есть содействие одного из супругов прелюбодеянию другого);
- извлечение выгод из непотребств супруга;
- неизлечимая тяжкая душевная болезнь;

• злонамеренное оставление одного супруга другим (члены Собора 1917-1918 годов предлагали установить для этого нарушения брачной целостности трехлетний минимальный срок, после которого оно могло бы рассматриваться как повод к разводу).

Архиерейский Собор 2000 года дополнил этот перечень такими причинами, как:

- заболевание СПИДом;
- медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания;
- совершение женой аборта при несогласии мужа.

- Не слишком ли много причин?

- Во-первых, как отмечал на Соборе в 1918 году митрополит Владимирский Сергей (будущий Святейший Патриарх), речь отнюдь не идет о том, «будто священникам предлагается рекомендовать своим прихожанам разводиться в таких-то и таких-то случаях». Усилия Церкви остаются направленными на сохранение брака. Другой член Собора указывал, что пастыри Церкви (прежде всего духовник, а затем - епископ) должны «глубоко вникнуть в сущность жизненных, отношений большой семьи, выяснить причины болезни и приложить все старания к тому, чтобы восстановить семейный лад и мир, если только к этому есть возможность». И лишь в том случае, когда причины разлада оказываются неустранимыми, правящим архиереем может быть принято решение о расторжении брака.

Во-вторых, необходимо учитывать, что в некоторых случаях, когда речь идет о людях, совершенно утративших брачное единство, любовь и преданность друг другу, продолжение совместной жизни ведет к повседневным тяжким грехам, превращает в кошмар существование по крайней мере одного из супругов, а нередко и детей. Вправе ли Церковь в таких случаях по-фарисейски возлагать на своих чад «бремена неудобноносимые» (Лк. 11:46)? Не лучше ли, желая спасения грешников, проявить к ним снисхождение? Священный Синод Русской Православной Церкви в Определении от 28 декабря 1998 года признал неправильными действия духовников, которые «запрещают супружеским парам развод в том случае, когда в силу тех или иных обстоятельств семейная жизнь становится для супругов невозможной».

Наконец, нельзя забывать и о церковно-воспитательном значении существующих оснований для развода. Об этом неоднократно говорилось на заседаниях Поместного

Собора в 1918 году. Вступая в брак, женихи и невесты должны сознавать, что определенные грехи могут необратимо разрушить их брак.

- Что делать, когда муж, еще далекий от Церкви, категорически настаивает на аборте? Может ли стать это основанием для развода?

- Муж не может вместо жены пойти и сделать аборт. И едва ли может на самом деле заставить женщину. Чтобы разобраться с этим вопросом, не нужны никакие специальные указания в церковных документах. В Священном Писании ясно сказано: справедливо ли слушать людей «более, нежели Бога?» (Деян. 4:19). Кто может принудить сделать то, что запретил Бог?! А вот женщина может сделать аборт тайно от мужа - поэтому в соборном документе и указано, что муж имеет право с ней развестись, если она без его ведома убила их общего ребенка.

Перед тем, как люди вступят в церковный брак, священник должен с ними серьезно поговорить. Мне, как и всякому священнику, приходится встречаться с женихами и невестами. Я при этом всегда спрашиваю, собираются ли они рожать детей. И если эти люди совсем молодые, то иногда бывает, что у них пока нет полной ясности. Стараюсь им объяснить, что брак, который не ориентирован на появление детей, глубоко ущербный, он не соответствует Божиему замыслу о человеке. Но сказать, что нежелание супруга рожать детей является основанием для развода - это было бы рискованно. В таких случаях нужна пастырская работа - надо не разрушать союз этих людей, а помогать им обоим вырасти в меру нравственной зрелости. Едва ли лучшим способом достигнуть этого будет расторжение брака.

- Допустим ли с церковной точки зрения второй брак?

- «Церковь отнюдь не поощряет второбрачия. Тем не менее после законного церковного развода, согласно каноническому праву, второй брак разрешается невинному супругу» - говорится в «Основах социальной концепции» (Х. 3). Понятно, что такое разрешение, как неоднократно подчеркивали православные канонисты, имеет характер пастырского снисхождения к человеческой немощи. Каково же суждение Церкви о тех ее членах, которые признаются виновниками развода? Первоначально вступление в новый освященный Церковью брак им не дозволялось. Однако в начале XX века Святейший Синод Российской Православной Церкви принял решение о допущении брака таких лиц после исполнения срока покаянной епитимий (то есть временного отлучения от участия в таинствах). При этом было установлено, что хотя срок епитимий, как это обычно бывает в духовнической практике, может сокращаться при усердии и искреннем покаянии виновного, он не может составлять менее трех лет. В формулировке Собора 2000 года соответствующее указание выглядит так: «Лицам, первый брак которых распался и был расторгнут по их вине, вступление во второй брак дозволяется лишь при условии покаяния и выполнения епитимий, наложенной в соответствии с каноническими правилами. В тех исключительных случаях, когда допускается третий брак, срок епитимий, согласно правилам святого Василия Великого, увеличивается».

Когда детей не хотят

- Отец Николай! Как, исходя из «Основ социальной концепции», оценить тенденцию на ограничение деторождения?

- Материальный успех - вот наиболее распространенный в современном обществе объект поклонения. Культ жизненного успеха, профессионального и общественного роста приводит к тому, что значение материнства и отцовства все очевиднее принижается. В детях все чаще видят не награду от Бога, а лишь ненужную обузу. Детей не хотят рожать, а родив - не желают жертвовать своим покоем и благополучием ради их воспитания. «Вопиющей бедой современного общества стало сиротство при живых родителях. Тысячи брошенных детей, которые наполняют приюты, а иногда оказываются на улице, - свидетельствуют о глубоком нездоровье общества», - со скорбью говорит наша Церковь в «Основах социальной концепции» (X. 4).

«Вот наследие от Господа: дети; награда от Него - плод чрева». Эти слова Псалмопевца (Пс. 126:3), как и другие библейские тексты (Ин. 16:21; 1 Тим. 2:13) говорят о радости и спасительности деторождения. По премудрому замыслу Творца, плодом брачной любви и предельной общности мужа и жены в их взаимной преданности друг другу становятся дети. Рождение и воспитание их - одна из важнейших целей брака.

Священное Писание описывает развитие плода в материнской утробе как творческий акт Бога, в котором соучаствуют родители:

«Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей... Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои» (Пс. 138:13, 15-16).

«Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня кругом... Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожей и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня, жизнь и милость даровал мне, и попечение Твое хранило дух мой... Ты вывел меня из чрева» (Иов 10:8-12, 18).

«Я образовал тебя во чреве... и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя» (Иер. 1:5-6).

- Знаю одну молодую супружескую пару, которая в течение нескольких лет никак не могла родить ребенка. Когда лечение от бесплодия не дало эффекта, жена, считающая себя очень православной, видно, по чьему-то совету, заявила мужу: теперь нам надо жить врозь, зачем семья, если нет детей? Каково было любящему мужу видеть такое отношение к своим чувствам!

- Мы уже говорили, что брак - это прежде всего таинство любви. Нашей Церкви чуждо то отношение к браку и брачной близости, которое присутствовало в западной католической традиции и восходило главным образом к блаженному Августину. Он, как известно, считал, что единственным оправданием для снисходительного, терпимого отношения к браку и брачной близости является только лишь рождение детей.

Да, готовность супругов рождать и воспитывать детей - это одно из важнейших условий благодатности семейного союза. Но нельзя утверждать, будто все значение семьи или брачной близости супругов только и сводится к деторождению. Ведь супружеские отношения выражают любовь, общность двоих, ставших «единой плотью», их преданность и верность друг другу.

- *Сколько же детей должно быть в семье?*

- Понятно, что дать ответ на этот вопрос в общей форме невозможно. «Сколько Бог даст»? Но ведь Бог дает детей родителям не без участия последних. В «Основах социальной концепции» христианским супругам предложено помнить о двух истинах:

1. «Продолжение человеческого рода является одной из основных целей богоустановленного брачного союза. Намеренный отказ от рождения детей из эгоистических побуждений обесценивает брак и является несомненным грехом».

2. «Вместе с тем супруги несут ответственность перед Богом за полноценное воспитание детей».

- *Православно ли вообще говорить о каком-либо «планировании семьи»?*

- Само это выражение, конечно, отражает сугубо светский и прагматический подход к семейной жизни. Апостол Иаков учит, что все человеческие планы должны сопровождаться оговоркой: «Если угодно будет Господу и живы будем...» (Иак. 4:15). Однако мы можем и должны говорить об ответственном отношении к рождению и воспитанию детей. Конечно, одной из возможностей может стать воздержание от половых отношений на определенное время.

Воздержание - высокая добродетель, которую всегда восхваляли отцы Церкви. Но всякая добродетель должна достигаться с рассуждением и не без чувства меры. А эта мера для каждого - своя. Памятуя о приведенных выше словах апостола Павла, надо сохранять здравомыслие в этой области. И вообще, нельзя забывать, что сфера интимных отношений супругов - весьма деликатная, и всякое вмешательство в нее требует «соблюдения особого целомудрия и особой пастырской осторожности», как указывал Священный Синод Русской Православной Церкви в Определении от 28 декабря 1998 года. Вместе с тем Синод твердо указал на «недопустимость принуждения или склонения пасомых, вопреки их воле, к... отказу от супружеской жизни в браке».

Архиерейский Собор 2000 года дополнил эти указания, более подробно рассмотрев давно назревшую пастырскую проблему контрацепции, то есть употребления средств предохранения от беременности.

Контрацептивы: можно или нельзя?

- *Насколько контрацепция допустима в православной семье, призванной являть собою домашнюю малую церковь?*

- Мы годами молчали об этой серьезной пастырской проблеме, которая на уровне официального церковного учительства никогда и не рассматривалась. А в

православной среде тем временем распространялись самые разные точки зрения, иногда приходящие между собою в прямое противоречие. Недопустимо, когда неразумное навязывание частных взглядов всем окружающим приводит в конце концов к распадению семей и к личным трагедиям. Такое нередко происходит, когда ревностные православные христиане и ревностные духовники (прежде всего очень молодые батюшки, которые у нас иногда на третьем десятке лет - от роду, а не от рукоположения! - уже «старцами» становятся) говорят о том, что существуют лишь две возможности: или рождение неограниченного количества детей (сколько получится!) или полное воздержание супругов после рождения у них того количества детей, которое они могут понести.

Конечно, пара, не желающая иметь детей, не может стать домашней церковью и не может быть названа христианской семьей в настоящем смысле этого слова. Если супруги не готовы к жертвенности, если они не хотят отдавать свое время, свой покой и свои душевные силы, не готовы жертвовать в какой-то степени даже своей карьерой и профессиональной реализацией ради того, чтобы родить и воспитать дитя - это всего лишь глубоко ущербный союз двух эгоистов.

Но бывает, в семье складывается ситуация, когда по болезни, иным серьезным причинам бывает необходимо на какой-то срок воздержаться от рождения детей... Да, можно сказать, что единственный способ ограничить количество детей - не прикасаться мужу и жене друг к другу. Но что мы получим в результате? Распад многих семей. Будет ли это победой высокой нравственности?

- Кстати, о воздержании: насколько оправдана настоятельная рекомендация, почерпнутая, как говорят, из «Посмертных поучений» преподобного Нила Мироточивого, о полном воздержании от супружеских отношений в период беременности матери и кормления младенца грудью? Эта точка зрения проповедуется, например, одним из популярных столичных пастырей. Можно ли считать это частным мнением или тому есть канонические подтверждения?

- Боюсь, что авторы подобных рекомендаций недооценивают значения супружеской близости. Возможно, по причине собственной очень высокой аскетической настроенности. Но вот перед нами апостол Павел, которого трудно упрекнуть в потворстве невоздержанию. Однако он, как известно, советовал христианским супругам: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7:5).

Что же касается абсолютного воздержания во время беременности и кормления... В общей сложности получится срок примерно в два года, а если долго кормить, то и больше. Другой священник не без основания заметил: «За это время мужу, пожалуй, можно и монашество принять». Конечно, в поздние сроки беременности и в первое время после родов воздержание необходимо, об этом и врачи говорят. Но если советы упомянутого вами батюшки применять во всей полноте, то результатом, очевидно, легко может стать нарушение супружеской верности и, вследствие этого, распад семьи. Поэтому я думаю, не стоит всем подряд рекомендовать образ жизни, похожий на подвижничество святого Иоанна Кронштадтского.

- В жизни встречаются такие сложнейшие ситуации! Молодая мать троих совсем еще маленьких детей, которых она родила с помощью операции кесарева сечения, ждала четвертого малыша. В этот раз ей снова предстояло кесарево сечение. Известно, что эту операцию можно делать лишь дважды - дальше стенка матки так истончается, что появляется угроза жизни матери. Тут же был четвертый случай! Врачи, сделавшие все, чтобы спасти мать и ребенка, вынесли приговор: следующая беременность - неминуемая смерть для матери! И что же, мы будем так жестокосердны, чтобы сказать этой женщине: умри, но рожай?! Пусть останутся сиротами четверо малышей? Или предложим ей оставить любящего мужа, разрушить семью, ибо полное телесное воздержание - подвиг для немногих? Семья выбрала в такой ситуации естественный метод предохранения - и это была пусть и слабость человеческая, но меньший грех по сравнению с тем, что могло бы произойти...

- Немилосердно было бы упрекнуть такую женщину. Она заслуживает сочувствия и поддержки - ведь она не отказывалась от материнства, наоборот - взяла на себя подвиг под угрозой смерти выносить и родить четверых малюток!.. В таких ситуациях очень нужно трезвомыслие, если мы не хотим превратиться в фарисеев и возлагать на людей «бремена неудобноносимые».

- Если говорить о ситуациях, подобных вышеописанной (пусть, может быть, и не в таких крайних проявлениях), то какие формы контрацепции возможны?

- Католическая Церковь в своей пастырской практике проводит различие между «естественными» и «искусственными» методами «планирования семьи». Первые допускаются, в отличие от вторых. Иногда подобные утверждения повторяют и православные пастыри. По мнению многих, здесь есть некое лукавство: несмотря на естественность периодов, когда организм женщины не способен к зачатию, все равно супруги устанавливают сознательное и совсем не столь уж «естественное» препятствие к рождению ребенка!

Возникают и другие вопросы. Во-первых, практический: «естественный метод» подвел очень многих супругов, которые на него полагались. Недаром сердитые на папский запрет миряне-католики прозвали его «ватиканской рулеткой». Правда, со временем «естественный метод» усовершенствовали: теперь кроме календаря «опасных» и «безопасных» дней используется измерение температуры по утрам и учет свойств секреции внутренних органов. Мне доводилось слушать, как католический безбрачный священнослужитель на одной международной конференции с большим знанием дела обучал подобным премудростям активистов движения «в защиту жизни». Очень сомневаюсь, что все это по праву называется «естественным методом»!

Во-вторых, почему надо считать, что все «естественное» допустимо и невинно, а все «искусственное» - непременно предосудительно по самой своей сущности? Мы живем в падшем мире, где сама природа поражена последствиями греха. А вся медицинская практика - разве она не представляет собой искусственного вмешательства в деятельность человеческого организма? Терапевт, который выписал таблетки или инъекции, хирург, который удалил воспалившийся орган или разросшуюся опухоль, - разве они не применили искусственные методы, вместо того,

чтобы позволить человеку естественным путем скончаться от болезни? Архиерейский Собор Русской Православной Церкви пошел по другому пути. В «Основах социальной концепции» средства контрацепции различаются по другому признаку: они делятся на абортивные и неабортивные.

Абортивные средства - это те, которые уничтожают на самых ранних стадиях уже зачатую в утробе матери человеческую жизнь. Таковы, например, некоторые гормональные препараты, действие которых препятствует закреплению оплодотворенного яйца в матке и дальнейшему его развитию.

К употреблению таких средств, отмечено в документе, «применимы суждения, относящиеся к аборту» (ХП. 3). Значит, Церковь считает их использование недопустимым и греховным.

Но далее сказано: «Средства, которые не связаны с пресечением уже зачатой жизни, к аборту ни в какой степени приравнивать нельзя».

- Если признаются неабортивные способы контрацепции и возможность использовать их в какой-то ситуации, значит ли это, что Церковь благословляет контрацепцию?

- О всяком поступке человека надо судить, принимая во внимание его побуждения. Это общее правило нравственного богословия. Бывают принципиально разные ситуации, которые нельзя мерить одной меркой.

Так и в данном случае: нравственная оценка использования подобных средств во многом зависит от мотивов, которыми руководствуются супруги. Одно дело, если супруги исходят из эгоистических побуждений и не хотят рождения детей, которые лишили бы их покоя, части достатка, которые будут впоследствии предъявлять какие-то права на их участие, жертвенность, заботу. Это, конечно, греховное поведение, как и отмечено в «Основах».

Другое дело, если отсрочивать рождение детей супругов побуждает необходимость обеспечивать подобающее воспитание для уже родившихся, либо состояние здоровья кого-либо из родителей, либо уход за серьезно больными членами семьи и тому подобные основательные причины.

«Очевидно, что решения в этой области супруги должны принимать по обоюдному согласию, прибегая к совету духовника», - сказано в соборном документе (ХТТ, 3). Духовникам же Собор рекомендовал заботиться в подобных ситуациях прежде всего о сохранении и укреплении семьи. А для этого «надлежит с пастырской осмотрительностью принимать во внимание конкретные условия жизни супружеской пары, их возраст, здоровье, степень духовной зрелости и многие другие обстоятельства, различая тех, кто может "вместить" высокие требования воздержания, от тех, кому это не "дано" (Мф. 19:8)».

- С кем советоваться относительно природы действия различных контрацептивных средств? Как узнать, абортивные они или нет?

- Такой вопрос прозвучал на одной из конференций вскоре после Архиерейского Собора. Ответ представляется ясным: разговаривать надо со специалистами, компетентными в этой области, то есть с медиками. Странно было бы ожидать

исчерпывающих рекомендаций такого рода от духовных лиц, тем более от Архиерейского Собора, все члены которого являются монашествующими и просто не могут обладать соответствующим опытом! Это дело врачей, а не священников. Конечно, и пастырям не повредило бы иметь хотя бы общие представления, ведь медицинская информация на эту тему сейчас общедоступна. Но смешивать исповедь или духовный совет с обсуждением физиологических подробностей, тем более весьма интимного плана, все же не следует.

Аборт: легализованное убийство

- *Какую позицию занимает сейчас Церковь по отношению к самой больной теме - к абортам, которые стали чуть ли не «нормой» жизни?*

- В одном из своих обращений Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отметил: «Человеческую жизнь перестают воспринимать как дар Божий, священный и неприкосновенный. С горечью и с чувством стыда я должен сказать, что в сегодняшней России из 10 беременностей 7 завершаются абортами и только 3 - родами. Женщины не хотят материнства, мужчины – отцовства».

Уничтожение «лишних» детей, зачатых в материнской утробе, - это, конечно, самое страшное проявление родительского эгоизма. Это смертный грех, восстание против воли Божией, изгнание Христа из среды супружеского союза. Церковь неизменно, с первых веков, рассматривала всякое посягательство на жизнь будущей человеческой личности как дело преступное. Архиерейский Собор 2000 года напомнил древние свидетельства Церкви об этом тяжком грехе.

«Не убивай ребенка, причиняя выкидыш», - это повеление помещено среди важнейших заповедей Божиих в «Учении двенадцати апостолов», одном из древнейших памятников христианской письменности.

«Женщина, учинившая выкидыш, есть убийца и даст ответ перед Богом. Ибо... зародыш во утробе есть живое существо, о коем печется Господь», - утверждал церковный писатель II века Афинагор.

«Тот, кто будет человеком, уже человек», - писал Тертуллиан на рубеже II и III веков.

Канонические правила Церкви прямо приравнивают аборт к убийству и назначают за него десятилетнее отлучение от церковного общения в таинствах. «Умышленно погубившая зачатый во утробе плод подлежит осуждению смертоубийства... Дающие врачество для извержения зачатого в утробе суть убийцы, равно и приемлющие детоубийственные отравы», - сказано во 2-м и 8-м правилах святителя Василия Великого, включенных в Книгу правил Православной Церкви и подтвержденных 91-м правилом VI Вселенского Собора. При этом святой Василий уточняет, что тяжесть вины не зависит от срока беременности: «У нас нет различения плода образовавшегося и еще не образованного» (то есть не приобретшего внешние черты человеческого образа).

«Широкое распространение и оправдание аборт в современном обществе Церковь рассматривает как угрозу будущему человечества и явный признак моральной деградации. Верность библейскому и святоотеческому учению о святости и бесценности человеческой жизни от самых ее истоков несовместима с признанием "свободы выбора" женщины в распоряжении судьбой плода. Помимо этого, аборт представляет собой серьезную угрозу физическому и душевному здоровью матери. Церковь также неизменно почитает своим долгом выступать в защиту наиболее уязвимых и зависимых человеческих существ, коими являются нерожденные дети» (XII. 2).

- Только ли мать бывает виновата в аборте?

- Иногда этот шаг отчаяния становится итогом крайней материальной нужды и беспомощности. Поэтому борьба с абортами требует от общества деятельной помощи матерям. А если мать почему-либо не может самостоятельно воспитывать ребенка - важнейшее дело заключается в том, чтобы создать условия для его усыновления. Ответственность за грех убийства нерожденного ребенка, наряду с матерью, конечно же, несет и отец, - если он согласился на аборт или, во всяком случае, знал о нем и не воспрепятствовал. Как муж, так и жена должны помнить, что аборт, сделанный женой вопреки воле мужа, может быть основанием для расторжения брака. Соучастниками и виновниками греха, разделяющими, согласно канонам, всю полноту ответственности за каждый аборт, становятся врачи и изготовители abortивных средств. Поэтому «Церковь призывает государство признать право медицинских работников на отказ от совершения аборта по соображениям совести» (XII. 2).

- Нельзя ли поставить вопрос так: отделить профессию акушера-гинеколога, принимающего роды, от занятий того, кто делает аборт?

- Действительно, трудно представить два столь же принципиально противоположных рода занятий. И только каким-то нравственным бесчувствием можно объяснить, что то и другое нередко происходит в стенах одного учреждения. Разумеется, такое положение отрицательно влияет и на душевное состояние врачей. Как может один и тот же человек прилагать все мыслимые усилия для того, чтобы сохранить жизнь плода, которой угрожает неблагоприятное развитие беременности, а после - уничтожать совершенно здоровый, благополучно развивающийся плод. Такая «работа» влечет за собой раздвоение личности.

- Как быть женщине, если аборт уже сделан?

- Остается только покаяние - глубокое, искреннее, не сводимое к формальному исполнению каких-либо полумагических предписаний. Я имею в виду распространяемые невежественными или малоцерковными людьми советы такого, например, рода: заплатить деньги за крещение чужого ребенка, купить сорок крестиков и столько-то раз прочитать какой-либо молитвенный текст. Кающихся не отвергает Христос, пришедший в мир спасти грешников (1 Тим. 1:15). Он обещал: «Приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин. 6:37). Не отвергает согрешивших тяжким грехом аборта и Церковь, но к общению в таинствах, как подчеркнуто в «Основах социальной концепции», допускает их после обязательного несения епитимий, то есть временного отлучения от Святого Причастия. Десятилетний срок епитимий, установленный канонами, в наше время, с учетом

человеческой немощи, чаще всего значительно сокращается. Разрешение этого вопроса предоставляется усмотрению духовника. При возникновении сомнений, священнику стоит посоветоваться с правящим архиереем, благочинным или с опытным духовником. Как и всегда, действия пастыря должны определяться принципом любви, стремлением не наказать или выразить порицание, а помочь исправлению и исцелению согрешивших.

Аборт «по медицинским показаниям»

- Отец Николай! Некоторых смущает, что в «Основах социальной концепции» говорится о снисхождении к тем женщинам, которые решились на аборт «по медицинским показаниям», при угрозе их жизни. Правомерно ли в таких случаях говорить о снисхождении и почему?

- Давайте разберемся. Прежде всего, прочитаем тот текст, который, как вы говорите, некоторых смутил: «В случаях, когда существует прямая угроза жизни матери при продолжении беременности, особенно при наличии у нее других детей, в пастырской практике рекомендуется проявлять снисхождение. Женщина, прервавшая беременность в таких обстоятельствах, не отлучается от евхаристического общения с Церковью, но это общение обуславливается исполнением ею личного покаянного молитвенного правила, которое определяется священником, принимающим исповедь» (ХП. 2).

Не вижу тут ничего смущающего - и даже ничего принципиально нового. Выше прямо сказано: «Православная Церковь ни при каких обстоятельствах не может дать благословение на производство аборта». Но ясно, что те случаи, когда беременность прерывается из-за действительно существующей прямой угрозы жизни матери, заслуживают особого рассмотрения. Ответственность супругов еще более возрастает, когда в семье есть другие дети, которые могут остаться без материнского ухода. Конечно, нельзя приравнивать такую мать, возможно, со многими слезами решившуюся на прерывание беременности, к здоровой женщине, просто не желающей обременять себя ответственностью за детей и делиться с ними жизненными благами. Во все времена пастырская практика Церкви знала различие тяжести вольного и невольного греха, в том числе и вынужденного обстоятельствами жизни. «Да смятается [рассматривается] же сих [то есть кающихся] житие... и тако человеколюбие да мерится», - говорит увещание к духовным отцам, помещаемое в Требнике. Там же проводится различие между случаями, когда женщина совершила аборт «самохотне» или «неволею по нужде некоей». Поэтому, в полном соответствии с этими пастырскими принципами и с канонами Церкви, дающими власть епископам увеличивать либо уменьшать епитимий (12-е правило I Вселенского Собора, 2-е, 5-е и 6-е правила Анкирского Собора), отцы Архиерейского Собора 2000 года рекомендовали духовникам проявлять снисхождение к женщинам, прервавшим беременность при прямой угрозе жизни. Указана и мера этого снисхождения: в таких случаях женщина не отлучается от Святого Причастия при условии исполнения личного покаянного молитвенного правила. Определить его форму должен священник, принимающий исповедь.

До принятия Собором этого документа зачастую приходилось встречать случаи, когда на женщин, совершивших аборт и без всякой угрозы для их жизни, не налагалось никаких канонических епитимий. Просто священник читал молитву из Требника на случай непроизвольного выкидыша (которая к подобному случаю совершенно не относится!), советовал женщине молиться, поститься, делать поклоны - и допускал ее до Причастия. Теперь указано, что этого делать нельзя. Так что надо скорее говорить о том, что установлены более строгие пастырские нормы, чем фактически было принято в церковной практике последних лет.

- Один видный московский пастырь говорит, что формулировка «угроза жизни матери», все чаще применяемая недобросовестными врачами, может спровоцировать женщину без достаточных оснований пойти на аборт.

- Да, опасность неоправданного расширения так называемых «медицинских показаний» для аборта действительно существует. И Собор обратил на нее особенное внимание. Такое отношение обусловлено сложившейся в нашей стране привычкой общества к аборту как обычному, более того - нормальному, «цивилизованному» средству ограничения численности детей. Даже вполне здоровая женщина, пришедшая с признаками беременности на первый прием к врачу, порой слышит от доктора: «Ну что, выписываем направление (то есть на аборт)? Или оставлять думаете?». А уж в случаях каких-либо осложнений беременности или просто проблем со здоровьем на мать зачастую оказывается психологическое давление, чтобы побудить ее согласиться на аборт. При этом аборт по медицинским показаниям (круг которых определен весьма расплывчато) возможен у нас практически на любом сроке беременности.

Еще одна причина - в том, что, как отмечено в «Основах», по действующим у нас правилам «юридическая ответственность врача за смерть матери несопоставимо более высока, чем ответственность за погубление плода, что провоцирует медиков, а через них и пациентов на совершение аборта». Архиерейский Собор признал такое положение ненормальным. А врачей предупредил о высокой нравственной ответственности за постановку диагноза, который может подтолкнуть женщину к прерыванию беременности. Особенно обращаясь к верующим медикам, архипастыри призвали их внимательно сопоставлять медицинские показания с велениями христианской совести.

Но надо признать, что бывают случаи, когда прерывание беременности действительно неизбежно. Скажем, в случае внематочной беременности - дальнейшее развитие зародыша погубит жизнь матери вместе с плодом, который все равно не выживет. Совсем другое - когда речь идет об опасностях несопоставимо меньших или просто о возможном вреде для материнского здоровья (которым, вообще говоря, до некоторой степени угрожает любая беременность).

- Приходилось слышать возражения такого рода: надо ли было вводить эту статью в «Основы», если число православных матерей, чьей жизни угрожает гибель вследствие беременности, незначительно? Статистика такова, что в 1999 году в России погибли в родах 583 женщины - из них 30 процентов вследствие абортов. Учитывая, что церковных людей у нас всего 1-2 процента, речь идет всего лишь о 5-6 женщинах по всей России. Но такие случаи можно решать индивидуально...

- Можно было бы и не прописывать никаких норм, если бы мы всегда могли полагаться на неизменно высокое качество духовнической практики. Но ведь опыт показывает, что наша паства в ответ на жизненные проблемы получает не только разные, но и противоположные утверждения. Поэтому было необходимо обозначить нормы церковного отношения по этой весьма болезненной проблеме.

Конечно, вопрос о молитвенном и покаянном правиле надо решать индивидуально - это и предусмотрено в «Основах». Но принципиально обозначить, что Церковь по-разному относится к поступкам в зависимости от их причины, было нужно.

А много подобных случаев или мало - какое это имеет значение для той женщины, у которой в жизни именно такой случай произошел? Для нее разве важно, сколько таких, как она: пять или тысяча? Для нее речь идет о ее единственной жизни, о жизни ее нерожденного ребенка... и, быть может, о жизни уже рожденных ею детей. Она стоит перед тяжким нравственным выбором. Кроме того, не нахожу возможным согласиться с утверждением, что в России «всего 1-2 процента» женщин прислушиваются к суждениям Церкви по нравственным вопросам.

- Приходилось слышать мнение, что мать-христианка просто обязана пожертвовать собою в случае угрозы ее жизни. Большинство православных, наверно, так и поступит, понимая, что на крови собственных убитых детей, пусть и ради спасения жизни матери, не построишь счастья...

- Возможно. Но вправе ли духовник требовать от человека пожертвовать своей жизнью? Не преступает ли он при этом пределы своей пастырской ответственности и данных ему Церковью полномочий? Это очень серьезный вопрос!

- Можно ли оправдать мать, совершающую аборт, если ребенок является плодом насилия или инцеста?

- Ребенок не виноват! Говорят, что женщина вряд ли может полюбить такого младенца, так как он будет напоминанием ее несчастья и ужаса. На самом деле так бывает, но не всегда. В любом случае лучше родить, чем сделать аборт, чаже если женщина чувствует, что она не в состоянии воспитывать это дитя. К ее чувствам надо отнестись с пониманием, и ребенка следовало бы принять на воспитание в те социальные учреждения, которые должны быть предметом пастырской заботы Церкви.

А если родится урод?

- Часто врачи пугают будущих мам тем, что у них может родиться ребенок с нарушениями развития. Как относиться к появлению на свет больных и неполноценных детей?

- Проблема обострилась в связи с развитием генетических исследований, а также пренатальной, то есть дородовой диагностики состояния здоровья будущего ребенка. У Церкви к методам дородовой диагностики двойственное отношение. С одной стороны, это несомненное завоевание науки - возможность определить риск

заболевания будущего ребенка еще до его рождения - чтобы его вылечить. Или, во всяком случае, чтобы врачи были готовы начать лечить его немедленно, как только он родится. Полезно и родителям заранее знать, что у них родится ребенок, который будет нуждаться в особой заботе.

Однако надо иметь в виду, что зачастую речь идет не о несомненно диагностированной болезни, а лишь о возможности того, что ребенок будет не совсем здоров. В таких случаях ожидание худшего исхода может стать неоправданно тяжелым нравственным бременем для родителей.

Кроме того, как отмечено в «Основах», «некоторые из этих методов [пренатальной диагностики] могут представлять угрозу для жизни и целостности тестируемого эмбриона или плода» (XII. 5).

Все это заставляет серьезно задуматься о целесообразности проведения дородовых испытаний в каждом отдельном случае. Едва ли оправдано превращение соответствующих методов в обязательную рутинную процедуру. К сожалению, возможности как дородовой, так и послеродовой терапии резко отстают от возможностей диагностики. Поэтому во многих случаях тот факт, что ребенок родится больным (или даже только предположение о наличии такой возможности), становится побуждением к аборту. Иногда врачи толкают женщину на аборт, убеждая ее, что родить такого ребенка с ее стороны будто бы жестоко и бесчеловечно. И семье тяжело, и обществу обуза...

Но Церковь исповедует веру в то, что каждый человек любим Богом. И со стороны окружающих людей разве не каждый ребенок имеет право на любовь и на заботу - независимо от состояния его здоровья? В Священном Писании говорится, что Сам Бог является «заступником немощных» (Иуд. 9:11). И апостол Павел учит «поддерживать слабых» (Деян. 20:35; 1 Фес. 5:14). Уподобляя Церковь человеческому телу, он указывает, что «члены... которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее», а менее совершенные нуждаются в «большем попечении» (1 Кор. 12:22, 24). Таково благословение Божие - чтобы сильный заботился о слабом. Это осуществление человеческого призвания. В заботе о тех, кто слабее и особенно нуждается в любви, ярче всего раскрывается богоподобие человека. И, как показывает опыт, больной ребенок бывает не меньше, а еще более любим родителями.

Мы живем в больном мире, в котором вся среда обитания человека отравлена результатами греховной человеческой деятельности. Люди в погоне за корыстью отравили воздух, воду, пищу, и из-за этого с каждым годом у нас растет доля детей, которые рождаются с разного рода расстройствами и заболеваниями. Если идти по пути «селекции» и «отбраковывать» больных, то скоро рожать будет некого - потому что уже сейчас почти все дети в той или иной мере обременены недугами, мало кто «стопроцентно здоровым» появляется на свет.

Итак, пренатальная диагностика может считаться нравственной и оправданной только тогда, когда она направлена на лечение, а не на отсев и уничтожение детей, которые слабее и потому в меньшей степени могут удовлетворять потребительским запросам своих родителей, желающих иметь детей с наиболее «полноценными» качествами. Само это слово «полноценный», заимствованное из товарно-торговой сферы, представляется совершенно неуместным в применении к человеку.

- Отсюда - один шаг к признанию законности и даже гуманности эвтаназии. Раз можно выбирать желаемые «параметры» ребенка по заказу, почему нельзя безболезненно избавиться от человека с «неудобными» параметрами - страдающего, старого, просто ненужного?

- Вопрос об эвтаназии редко затрагивается в связи со страданиями уже родившихся детей; как правило, «убийство из милосердия» рассматривают как возможный исход для престарелых больных. Норма библейской морали учит, что когда родители становятся немощными стариками, нуждающимися в каждодневной заботе, приходит пора на деле исполнить Божию заповедь: чти отца твоего и мать твою. Но в обществе, идолом которого является успех, процветание, всякая немощь вызывает лишь раздражение и желание как-нибудь поскорее «разрешить проблему»...

Право на смерть?

- Сторонники эвтаназии основываются якобы на милосердии к безнадежно больному, сверх сил страдающему человеку. В качестве логического развития идеи «прав человека» теперь развивается концепция «права на смерть». Как оценить такие утверждения с православной точки зрения?

- За каждым богослужением мы испрашиваем у Господа «непостыдную и мирную» христианскую кончину нашей жизни. Конечно, нам хочется, чтобы она была «безболезненной», однако, предавая самих себя и всю нашу жизнь Христу, мы полагаемся на Его волю. Он один - Владыка жизни и смерти (1 Цар. 2:6), «в Его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти» (Иов. 12:10). Когда придет наше время, Он призовет нас к Себе, и никто другой не вправе вместо Бога решать, что этот час уже пробил. Поэтому, какими бы человеколюбивыми аргументами ни вооружались сторонники легализации так называемой эвтаназии, Церковь будет неизменно хранить верность заповеди Божией «не убивай» (Исх. 20:13). Потому что с момента зачатия до последней минуты старости человеческая личность обладает абсолютной ценностью, даже если никакой видимой «пользы» эта жизнь никому не приносит.

Да, иногда и сам больной просит ускорить его смерть. Но ведь эта просьба нередко обусловлена временным состоянием депрессии; чаще всего она связана с ощущением одиночества, оставленности, а то и тягости, причиняемой родным, не способным разделить страдания близкого человека. Очевидно, что «право на смерть» легко может превратиться в почетную обязанность для престарелых людей, которым «пора уже» освободить от ненужных хлопот родственников и врачей. Участие медиков в убийстве пациентов - это, конечно, коренное извращение профессионального долга врача, это отказ от нравственного достоинства медицины. «Некоторые жизни не стоят того, чтобы их жить», - сказал один из идеологов эвтаназии в нацистской Германии. Как мы знаем, гитлеровский режим планомерно работал над освобождением общества от «ненужного» бремени в виде душевнобольных и просто тяжелобольных людей, параллельно занимаясь очищением этнического состава Третьего рейха. Поборники эвтаназии не любят, когда им

напоминают эти страницы истории. Сегодня их знаменем является личная свобода выбора. Однако те, кто готов помочь человеку уйти из жизни, фактически подписывают вердикт: да, существование этого больного больше не имеет смысла, ему незачем оставаться среди нас.

А ведь на самом деле завершение жизни бывает в духовном отношении едва ли не самым важным этапом земного бытия, когда в покаянии, в предстоянии вечности заново осмысливается весь пройденный путь.

Терпеливо ухаживать за умирающим - дело нелегкое. Но слабый ничуть не в меньшей степени, чем сильный, остается носителем человеческого достоинства и образа Божия. Служа ему, мы служим Самому Христу, Который сказал: «Так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40). К сожалению, культ здоровья и благополучия, распространенный в современном обществе, делает людей растерянными и беспомощными перед лицом как собственных, как и чужих страданий. Болезнь и смерть становятся как бы чем-то постыдным, неприличным...

- В связи с этим хочется задать вопрос: нужно ли говорить умирающему правду о его реальном положении?

- Трудно дать универсальный ответ: во многом это зависит от духовного состояния больного. Иногда человек не готов осознать всю близость смерти и пытается отогнать от себя мрачные догадки. Едва ли в таких случаях надо навязывать ему страшную правду. Но ведь бывает и по-другому. Больной понимает, что умирает; понимают это и его родственники, еще лучше знают это врачи. Но все считают себя обязанными говорить умирающему пустые слова утешения: «Да что ты, не думай о смерти, еще сто лет проживешь...». Кто-то придумал, что это будто бы «святая ложь». На самом деле за нею часто стоит страх посмотреть близкому человеку в глаза и разделить его боль, боязнь ответственности, желание уйти от трудных разговоров. А больной, окруженный этим «заговором молчания», чувствует свое возрастающее одиночество, отчуждение, невидимую стену, которая все явственнее отделяет его от мира живых. И, чтобы не огорчать их, вынужден делать вид, будто верит. Часто бывает, что родственники, желая «уберечь» умирающего от тягостных мыслей, не решаются пригласить священника - а вдруг больной догадается, что смерть близка. Вот и получается, что ради призрачного и ложного «утешения» человека на самом деле лишают возможности покаяния и причащения - то есть именно того, что ему или ей было бы всего нужнее и принесло бы в душу мир.

Святые отцы не напрасно учили «иметь память смертную», начиная с молодых лет. Это не значит жить в страхе и вечном трауре. Это значит жить глубоко и осмысленно. Смерть - событие огромной важности, и к ней, конечно, надо готовиться.

Можно ли зачать ребенка в пробирке?

- Отец Николай! Давайте коснемся очень болезненного вопроса, по которому нет единого мнения. Допустимо ли православным супругам, не имеющим детей, решиться на искусственное оплодотворение?

- Методов искусственного зачатия много. Они различаются не только по медицинским характеристикам, но и по нравственной сути. И потому Церковь относится к ним по-разному. Как мы уже говорили, не обязательно все «искусственное» плохо и неприемлемо. Скажем, бывают случаи, когда естественным путем зачатие не происходит, но может произойти искусственное оплодотворение путем использования половых клеток мужа, которые вводятся в матку, и после этого во многих случаях рождается здоровое дитя. В этом случае серьезных этических возражений не возникает. Врачи просто помогли родителям.

А вот использование в подобных целях «донорского материала», с точки зрения Церкви, совершенно неприемлемо. Потому что при этом существенным образом нарушается целостность и исключительность брачных отношений между двумя людьми, мужчиной и женщиной. В них вторгается кто-то третий. Пусть донор навсегда останется «анонимным», но у ребенка наряду с «социальным» отцом будет еще какой-то «генетический», с которым он связан всей своей наследственностью, но о котором никогда не узнает. Современные биотехнологии позволяют использовать и донорские материнские клетки. Все это создает нравственно скользкую и двусмысленную ситуацию в отношениях между супругами и ребенком. Кто его настоящие родители? Узнав рано или поздно о тайне своего рождения, не испытает ли он мучительный кризис самосознания? И разве не противится нравственное чувство такому положению, когда по миру ходят дети «доноров», плоть от их плоти, кровь от их крови, но об их судьбе, даже о самом их существовании поставщикам «генетического материала» ничего не известно? Они заранее освобождены от каких-либо обязательств по отношению к своим потомкам, носителям их генетических качеств.

Еще более противоестественным представляется так называемое «суррогатное материнство». Речь идет о том, что оплодотворенную яйцеклетку (генетически она может принадлежать другой женщине) вынашивает женщина, которая после родов возвращает ребенка «заказчикам». Как правило, составляется соответствующий договор на коммерческой основе. В нашей стране такая практика пока нелегальна, но в ряде государств она уже регламентируется законодательством. Но даже если женщина вынашивает чужое дитя не из-за ченег, все же такая методика остается нравственно неприемлемой. Было множество случаев, когда после родов «суррогатная мама» отказывалась отдавать выношенное ею дитя. Потому что между матерью и младенцем уже во время беременности устанавливается глубокая эмоциональная и духовная близость. Нельзя столь безжалостно травмировать чувства как женщины, так и ребенка.

Почему бы супругам, если не помогает лечение бездетности обычными терапевтическими или хирургическими методами, не усыновить ребенка? Ибо тут сразу встречаются две потребности - потребность бездетных родителей иметь дитя, которое они будут любить и о котором будут заботиться, и потребность ребенка, который осиротел или, что еще хуже, остался сиротой при живых родителях и который отчаянно нуждается в заботе и любви. Это глубоко христианский поступок! А желание иметь ребенка в генетическом отношении хотя бы наполовину «своего» почти неизбежно омрачает отношения между мужем и женой. Ведь плодом их союза ребенок все равно не станет. Он появится на свет в результате какого-то супружеского

лукавства. Лучше, если муж, например, бездетен, принять его таким, каков он есть, не пытаться найти ему подмену в лице донора. А усыновленный ребенок - он в одинаковой степени генетически «неродной» и для отца, и для матери. И вместе с тем в одинаковой степени родной и любимый. Потому что они его по обоюдному согласию приняли как от Бога. И в его лице встретились с Христом - вспомним Его слова: «Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 18:5).

- Насколько оправданно с точки зрения Православия зачатие детей «в пробирке»? Ведь при этом ради той жизни, которая затем имплантируется матери, убивают порой около десяти «запасных» эмбрионов...

- Именно эта причина делает употребляемые сегодня методы экстракорпорального оплодотворения неприемлемыми для Церкви. Потому что человек не вправе выбрать одно из уже зачавшихся человеческих существ, одну из оплодотворенных яйцеклеток для того, чтобы именно ей дать жизнь, а остальные уничтожить. При этом обычно производится своего рода селекция - подбирают те эмбрионы, которые кажутся более перспективными, здоровыми, целостными. Но кто дал нам право распоряжаться человеческой жизнью, на каком бы раннем уровне она в этот момент ни находилась?

Теоретически говоря, возможно оплодотворение одной-единственной яйцеклетки и ее последующая имплантация в материнскую утробу. Но в случае неудачи и этот единственный плод погибает. Кроме того, практически врачи избегают пользоваться таким методом, потому что вероятность успеха слишком невелика. А процедура извлечения яйцеклетки является травмирующей для матери.

Вместе с тем, гормональная гиперстимуляция, которую применяют для одновременного получения нескольких яйцеклеток, также опасна для организма женщины. В этом все больше убеждаются врачи.

В соборном документе сказано: «Нравственно недопустимыми с православной точки зрения являются... все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворения, предполагающие заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов. Именно на признании человеческого достоинства даже за эмбрионом основана моральная оценка аборта, осуждаемого Церковью» (XII. 4).

- А если появится возможность успешно использовать экстракорпоральное оплодотворение без «запасных» эмбрионов?

- Церковь остается открытой к обсуждению этого вопроса. Если используются только собственные половые клетки супругов, если не подвергаются опасности уничтожения зачатые эмбрионы, думаю, не будет принципиальных нравственных возражений. Подобная методика (когда используются только две клетки, мужская и женская) уже существует, однако она порождает серьезные проблемы медицинского плана. Ее пробовали использовать главным образом в тех случаях, когда половые клетки мужа слишком слабые. Если одну из них, фигурально выражаясь, протолкнуть сквозь мембрану яйцеклетки, может произойти зачатие. Но в подобных случаях, как выяснилось, рождается немало детей с расстройствами развития. Попытки «перехитрить природу» часто приводят к дурным последствиям. Так что бывают

ситуации, когда лучше всего, как сказано в «Основах», «со смирением принять свое бесчадие как особое жизненное призвание».

Священная жизнь или «человеческий материал»?

- Развитие новых биомедицинских технологий, таких, как клонирование, фетальная терапия, часто идет вразрез с нравственностью. В частности, утверждается, что поскольку человеческий эмбрион еще не имеет статуса личности, его «материал» можно использовать для спасения других, уже сформировавшихся жизней. Правомерен ли научно-богословский спор на эти темы?

- Да, эмбрион приобретает личностные характеристики постепенно. Но независимо от этого посягательство на человеческую жизнь преступно уже с момента зачатия. В конце концов, разве мы можем назвать полноценной личностью даже ребенка, уже родившегося на свет? Да и взрослый человек не во всей полноте реализует свою личность. Например, душевнобольные люди - в них личные свойства могут быть существенным образом подавлены, не развиты. Но разве это дает право их убивать?

Поэтому возможные дискуссии о личном статусе эмбриона не влияют на отношение Церкви к манипуляциям с человеческой жизнью. В истории Церкви встречались разные подходы к вопросу о том, когда человеческий зародыш обретает душу. Как мы уже упоминали, Тертуллиан говорил: «Тот, кто будет человеком, уже человек». Однако в писаниях некоторых отцов Церкви - преподобного Макария Великого, блаженных Иеронима и Феодорита Кирского, Иоанна Болгарского, святителя Кирилла Туровского - высказывалось мнение, что одушевление зародыша происходит не тотчас же при зачатии, но лишь спустя некоторое время. В качестве аналогии они ссылались на то, что при сотворении первого человека Бог прежде создал тело Адама, а затем уже «вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7). Такая же мысль отражена в «Православном исповедании» Петра Могилы (1643): «Душа дается от Бога в то время, когда тело образуется и соделается способным к восприятию оной» (Ответ 28). Однако Церковь никогда не сомневалась, что «зародыш во утробе есть живое существо, о коем печется Господь», как утверждал во II веке Афинагор. Поэтому святитель Василий Великий и указывал, что греховность уничтожения плода не зависит от срока беременности. В этом отношении, писал он, «у нас нет различия плода образовавшегося и еще необразованного» (Книга правил, св. Василия Великого правила 2-е и 8-е). Значит, на любой стадии развития человеческое существо, находящееся в процессе становления, достойно защиты, а не использования в интересах других людей. Зародившаяся хрупкая жизнь является столь же неприкосновенной, как и жизнь уже сформировавшегося человека. И это не зависит от уровня его умственной, эмоциональной и физической зрелости.

От сторонников исследований на человеческих эмбрионах иногда приходится слышать и такой аргумент: свободное развитие науки невозможно остановить. Всякие запреты в этой области - попытка мракобесов вернуть нас в средневековье. Но свобода

ученого от каких бы то ни было нравственных или религиозных требований - ложная и крайне опасная идея. Следуя ей, при нынешнем могуществе науки и технологии мы скоро придем к тотальному уничтожению человеческого рода. Ведь мы сегодня в состоянии взорвать на части планету, на которой живем. Мы с еще большей легкостью можем убить на ней все живое. И мы рискуем путем биотехнологических экспериментов прийти к необратимым изменениям самой человеческой природы. На наших глазах под влиянием новых возможностей биотехнологий размывается представление о свободе и достоинстве человеческой личности. Оказывается, человека можно рассматривать как технологический продукт, которому потребитель станет задавать нужные параметры. Если мы пойдем дальше по такому пути - погибнет семья, уничтожатся все основы человеческих отношений, рухнет человеческое общество. Тиранам XX века и не снились те возможно-сти подавления свободы, которые могут оказаться в руках властолюбцев третьего тысячелетия. Поэтому очень многие светские ученые, осознающие моральную ответственность науки, готовы полностью поддержать утверждение Архиерейского Собора: «Ныне для обеспечения нормальной человеческой жизни как никогда необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями» (XIV. 1). Свобода научного познания не может быть абсолютной. Газовые камеры, ядерная бомба, Чернобыль, тяжелейший экологический кризис, - все эти потрясения XX века окончательно развенчали зародившуюся в эпоху Просвещения наивную мечту, будто развитие науки сделает жизнь человечества счастливой. Поэтому совершенно справедливы недавно сказанные слова Ф. Миттерана, экс-президента одной из наиболее секуляризованных западных стран: «XXI век станет веком этики - или его не будет вообще».

- *К числу самых спорных в этическом отношении направлений развития медицинской науки относится, по-видимому, так называемая фетальная терапия?*

- Латинское слово fetus означает плод. Однако речь идет не о лечении человеческого плода, как можно было бы подумать, исходя из названия. Суть этого метода в том, что органы и ткани, извлеченные из эмбрионов человека на разных стадиях развития, могут, по утверждениям некоторых ученых, использоваться при лечении многих болезней у других людей. В том числе и таких болезней, которые до сих пор считались неизлечимыми. Речь идет, например, о таких заболеваниях, как детский церебральный паралич, болезнь Паркинсона, болезни Пика и Альцгеймера, рассеянный склероз, болезнь Дауна, различные виды иммунодефицита. Дело в том, что клетки развивающегося плода обладают огромным запасом жизненной силы, они проявляют высокую биологическую активность. Говорят, что фетальные инъекции помогают при циррозе печени, алкогольной энцефалопатии, при постинсультных расстройствах, при лечении различных опухолей. Правда, те ученые, которые свободны от профессиональной и материальной заинтересованности в развитии фетальной терапии, считают эти обещания всего лишь рекламным приемом. До сих пор нет надежных подтверждений терапевтического эффекта, не говоря уже об абсолютном выздоровлении в результате этих процедур. Но уже сегодня распространяется применение фетальных материалов для лечения импотенции, особенно связанной с пожилым возрастом, для общего омоложения организма и - в виде кремов и масок - для косметических целей, для «обновления» увядшей кожи, устранения морщин...

- Такое косметическое применение представляется особенно безнравственным - оттягивать старение за счет поглощения молодых, несостоявшихся человеческих жизней...

- Мне все это напоминает жуткую фреску Гойи «Сатурн»: старое чудовище, которое держит в руках маленькую человеческую фигурку с откушенной головой. Как страшно, если человечество пойдет по этому пути пожирания своих детей ради продления молодости состоятельных стариков и старушек!

- Но как относиться к случаям другого рода: что, если употребление фетальных тканей действительно может спасти человека от тяжелой, неизлечимой болезни, связанной с мучительными страданиями?

- Конечно, в этом случае все выглядит сложнее. Но нельзя забывать, что для проведения такого лечения необходимо разрушение десятков, если не сотен человеческих плодов. По информации Научно-исследовательского института трансплантологии и искусственных органов, где на коммерческой основе оказываются соответствующие услуги, для одной инъекции применяется «материал» от 4- 5 эмбрионов. И одной инъекцией дело, конечно, не ограничивается. Даже если высокая эффективность этого метода была бы доказана, это не может повлиять на нравственную его оценку. Нельзя спасти одну человеческую жизнь, губя множество других, несостоявшихся жизней. Я думаю, что едва ли нашлись бы больные, согласные на такое лечение, если бы им предварительно показали гору маленьких трупиков, которые надо будет «переработать» ради гипотетической поправки их здоровья.

Остальные ткани получают в основном в результате абортов, причем желательно - на поздних стадиях беременности, когда все основные органы уже дифференцированы и сформированы. Рассказывать об этом подробнее мучительно и страшно, читать тоже тяжело, но я думаю, людям следует это знать. Техника такова. Извлеченный из материнской утробы и еще живой плод, к этому сроку беременности уже имеющий вполне человеческий облик, незамедлительно расчленяется. В головке ребенка перфорируют отверстие и делают вытяжки из мозга. Извлекаются также ткани половых желез, селезенки, печени, надпочечников и других органов. Все это немедленно консервируется в жидком азоте, после чего может храниться довольно долго.

- Однако защитники такого лечения могут сказать, что речь ведь идет о жизнях, которые все равно не состоялись бы...

- Да, такой аргумент высказывался неоднократно. И при этом в одном из популярных журналов писали, что поскольку на Западе такие разработки ведутся, нам ни в коем случае нельзя отставать: потеряем деньги!

И действительно, Россия стоит на одном из первых мест в мире по количеству абортов. Кроме того, наше законодательство допускает по довольно широкому кругу показаний производство абортов на поздних стадиях развития плода. Поэтому здесь есть колоссальные возможности получать большое количество материала из человеческих зародышей для применения в коммерческой медицине. Правда, в России невелик круг людей, которые могли бы пользоваться таким лечением - оно стоит огромных денег. Однако у нашей страны есть все шансы стать ведущим экспортером

переработанного и консервированного в жидком азоте человеческого материала, которым будут лечиться состоятельные люди в более благополучных странах. Если эта гигантская мясорубка будет запущена, ее потом практически невозможно будет остановить. Понадобятся все новые и новые тысячи зародышей. В России, как уже отмечалось, и без того из десяти зачатых детей рожают лишь троих, остальные становятся жертвами аборта. Многие женщины воспринимают аборт как рутинную процедуру. Точно так же относятся к этому страшному делу многие врачи. До сих пор их позиция часто объяснялась всего лишь тем, что сделать аборт намного проще и дешевле, чем возиться с «трудной» беременностью. Кроме того, само по себе производство платных абортов является одним из наиболее доходных видов медицинского бизнеса. Очень большая часть медицинской рекламы в России - это именно реклама быстрых и «качественных» абортов. Если еще использовать все отходы этого кровавого производства, то прибыль может стать просто фантастической.

Представим себе, что добытчики фетальных тканей будут платить врачам-гинекологам или самим женщинам, оказавшимся перед трудным выбором, хоть по сотне долларов - как это повлияет на нашу и без того чудовищную абортную статистику! Поэтому согласие общества на использование методов фетальной терапии неминуемо обернется криминализацией медицины и гибелью множества жизней, которые в противном случае были бы сохранены.

В «Основах» по этому поводу сказано: «Осуждая аборт как смертный грех, Церковь не может найти ему оправдания и в том случае, если от уничтожения зачатой человеческой жизни некто, возможно, будет получать пользу для здоровья. Неизбежно способствуя еще более широкому распространению и коммерциализации абортов, такая практика (даже если ее эффективность, в настоящее время гипотетическая, была бы научно доказана) являет пример вопиющей безнравственности и носит преступный характер» (XII. 7).

- В Шотландии в 1997 году появилась на свет знаменитая овечка Долли. Это точная генетическая копия другой овцы, клетка которой была подвергнута так называемому клонированию. С тех пор в мире не умолкают споры относительно возможности клонировать таким образом и человека...

- Об этом много говорят и в России. Тема стала модной, ей уделяют внимание самые популярные средства массовой информации. Преобладают очень поверхностные суждения, но они интересны, как отражение сознания общества. Энтузиасты клонирования видят в нем прежде всего способ достижения личного бессмертия, или подмену бессмертия, что было бы точнее. Многие, как показывает знакомство с публикуемыми материалами, даже не сознают, что если бы клонирование твоей клетки оказалось возможным, в результате получился бы все же другой человек, хотя и с таким же набором генов - не больше похожий на тебя, чем, скажем, твой брат-близнец, если бы он у тебя был.

- Насколько вообще реальна такая возможность?

- Долли - это первый успешный результат, полученный после 227 несостоявшихся попыток. В 30 случаях удалось добиться беременности, но развивались плоды ненормально крупные по размеру и страдавшие разными

уродствами. Никто не знает, что вышло бы при попытке ставить подобные опыты на людях. Но ясно, что если бы ученые на это решились, мы бы также имели дело с сотнями, если не тысячами несостоявшихся жизней, а возможно - с рождением нежизнеспособных детей. Уже одного этого, казалось бы, достаточно, чтобы запретить подобные эксперименты. Д-р Иан Вилмут и его коллеги из Института Рослина, осуществившие клонирование овцы, заявили, что они считают такие попытки аморальными. С призывом не развивать технологии клонирования применительно к человеку выступали многие политические деятели Запада - Билл Клинтон, Джон Мей-джор, Жак Ширак. Постоянный комитет по биоэтике Совета Европы в январе 1998 года составил Протокол о запрещении клонирования человеческих существ. Пока к этому документу присоединились 28 европейских государств. Россия, к сожалению, до сих пор не выразила свою позицию. Но как на Западе, так и у нас находятся видные ученые, которые говорят о «проявлениях неизжитого еще обскурантизма» по поводу запретов на клонирование.

- Риск развития нежизнеспособных эмбрионов, ненормальных детей, угроза для здоровья матери - это серьезные доводы. Но есть ведь и другие причины, которые побуждают Церковь выступить с протестом против клонирования человека?

- Да, кроме аргумента о жестокости эксперимента существуют и еще более важные соображения, которые также изложены в «Основах социальной концепции»: «Клонирование в еще большей степени, чем иные репродуктивные технологии, открывает возможность манипуляции с генетической составляющей личности и способствует ее дальнейшему обесцениванию. Человек не вправе претендовать на роль творца себе подобных существ или подбирать для них генетические прототипы, определяя их личностные характеристики по своему усмотрению. Замысел клонирования является несомненным вызовом самой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности» (XII.6).

Мы уже говорили о той опасности, которую представляет собой идея достижения все более полного контроля человека над появлением на свет его потомства. Появилось понятие репродуктивных прав, которые многими относятся к разряду фундаментальных прав человека. Они включают право иметь столько детей, сколько захочется, тогда, когда захочется. Появляется тенденция не связывать эти права с семейным статусом человека и его сексуальной ориентацией - и это понятно, если действительно включать право на репродукцию в разряд неотъемлемых, фундаментальных прав человека. Далее, многие уже защищают право родителей выбирать пол ребенка. Затем, пренатальная или в случае пробирочного оплодотворения даже предимплантационная диагностика должна выявить возможность генетических болезней или каких-либо отклонений развития - ведь вы имеете право на здорового, нормального ребенка. Выбирая генетические данные донорских половых клеток, вы можете получить «улучшенное» потомство (по сравнению с собственным «генетическим материалом»).

Но все же в случае оплодотворения - не только естественного, но и искусственного - вы каждый раз получаете уникальный результат, генетические данные ребенка не могут быть полностью предсказуемыми.

Клонирование теоретически может позволить преодолеть и это последнее препятствие к достижению полного контроля над «качеством» потомства. Откроется возможность выводить людей с заранее заданным набором свойств. И вот этот беспрецедентный контроль, окончательно превращающий человека в производственный продукт, представляется самой большой опасностью. Ребенок становится средством удовлетворения некоего права взрослых иметь то, чего они хотят. Как сказал Блаженнейший Архиепископ Афинский и всея Эллады Христодул, «все это открывает возможность для совершенно нового взгляда на человеческую жизнь, при котором она уже не воспринимается как дар Божий, данный нам для участия в Его жизни и в Его любви». Действительно, какой дар Божий, какая уникальность и неповторимость, если мы целенаправленно добиваемся того, что мы задумали, если рождение - это просто реализация наших способностей. В связи с этим священник Максим Обухов справедливо заметил: «Человечество встало перед чертой, переступив через которую, мы можем оказаться совсем в другом мире»².

- Наверно, этот мир оказался бы гораздо беднее мира, сотворенного Богом?

- Конечно, если люди вздумают «тиражировать» копии себе подобных или встанут в очередь за генетическим материалом, скажем, популярного певца или, к примеру, Клаудии Шиффер. А это легко себе представить при все возрастающей стандартизации нашей жизни, при том стирании всяких различий, которое было во многом характерно для второй половины XX века.

Если мы с помощью ученых серьезно возьмемся за отбор потомства по ряду параметров, то у нас неминуемо возобладает царство здоровой посредственности. Если, представим на минутку, такое возможно было бы раньше, у нас, наверно, не было бы Достоевского, потому что у него на эмбриональной стадии обнаружили бы предрасположенность к эпилепсии, не было бы Чехова - склонен к чахотке, не было бы Ван Гога - возможна психическая нестабильность, не было бы Бетховена, потому что врачи бы определили, что к определенному возрасту мальчик оглохнет... В Библии именно бесконечное разнообразие сотворенного Богом мира предстает перед нами как одна из самых веских причин воспевать премудрость Творца и неисчерпаемую красоту Его Творения. А с точки зрения науки, именно генетическое многообразие является необходимым условием успешного и здорового развития - будь то человеческого сообщества или популяции животных.

- Но говорят, что клоны существуют и в природе. Разве однояйцовые близнецы не являются генетически идентичными копиями друг друга?

- Да, но кроме того, что они рождаются достаточно редко, они все же появляются не в результате целенаправленных действий третьей стороны. Их генетический код остается непредсказуемым и незапланированным. Совсем другое - когда мы избираем изготовление копии заведомо известного, уже живущего человеческого существа.

- Можно ли представить себе, каким было бы самоощущение клонированного человека?

² В сборнике материалов Церковно-общественного совета по биомедицинской этике: Православие и проблемы биоэтики. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2001. Вып. 1. С. 65.

- Никто не способен этого заранее предсказать. Каков будет психологический эффект от сознания, что я являюсь близнецом другого человека, как бы повторением его жизни? Как это знание будет влиять на мое чувство собственной идентичности, на мои отношения с «генетическим прототипом», с другими людьми? Мы не вправе подвергать человека помимо его собственной воли риску мучительного внутреннего кризиса. Не говоря уже о том, что, как отмечено в «Основах», «клонирование человека способно извратить естественные основы деторождения, кровного родства, материнства и отцовства. Ребенок может стать сестрой своей матери, братом отца или дочерью деда».

- Говорят также о возможности разного рода злоупотреблений, о перспективе создавать людей просто для технического использования, как каких-то биороботов...

- Этого тоже никто не может исключить. Если человеческая жизнь становится «техническим продуктом», то почему диктатору не создать армию идеальных и строго единообразных клонированных солдат, почему бы богатым людям не заказать себе клонов для использования «на запчасти» для трансплантации и т.п.

- Иногда задают вопрос: а будет ли у клона душа? Или же это будет просто «кусочек мяса» либо некто чудовищный по своим духовным качествам?

- Я бы воздержался гадать о том, чего пока нет. Не склонен думать, что если дело дойдет до попыток клонирования человека, они окажутся успешными - с чисто научной точки зрения дело это весьма проблематическое, не говоря уж о нравственных и религиозных аспектах. Но это мое личное мнение. Вопрос пока представляется спекулятивным, и Церковь не высказывала суждений по этому поводу. Однако предположения об отсутствии у клонов души могли бы косвенно поддержать идею выращивания неких биороботов для использования их органов: с бездушным существом можно делать все что угодно! Замахиваясь на эксперименты, посягающие на святая святых жизни, ученый должен думать о последствиях. И если мы не можем предугадать генетических мутаций человеческого организма от неблагоприятных экологических или радиационных воздействий, то последствия при клонировании могут быть просто непредсказуемыми - в том числе и для духовного состояния человека.

- О клонировании иногда говорят как о попытке человека играть роль Бога...

- Да, и нам стоит почаще заглядывать на первые страницы книги Бытия, чтобы не забывать, чем кончается такая попытка. «Будете как боги»... От кого-то мы ведь это уже слышали, не правда ли? Человечество вновь сталкивается с этим искушением, и сходство с библейским повествованием на сей раз особенно рельефно.

Поэтому я убежден, что борьба против попыток клонирования человека - это не борьба обскурантов против свободы исследования, а борьба за зрелое, ответственное отношение к нашим возможностям, за право человека не быть пленником безликого «прогресса», за право сказать «нет», а не только «да», за право ребенка быть не объектом, а субъектом права, за достоинство и свободу человеческой личности. И я думаю, что многие нерелигиозные люди в данном случае готовы разделить ту озабоченность, которая для нас, христиан, основывается на нашем религиозном мироощущении.

- В «*Основах социальной концепции*», тем не менее, отмечено, что клонирование отдельных клеток и тканей не является посягательством на достоинство личности. Но настораживает, что недавно парламент Великобритании узаконил клонирование стволовых клеток для создания органов, что ведь тоже потребует уничтожение множества нерожденных жизней.

- Для извлечения стволовых клеток нужны человеческие эмбрионы. Это нравственно неприемлемое решение, хотя с точки зрения трансплантологов оно очень выгодное - ведь в силу особенностей эмбриональных клеток они не отторгаются организмом. Вот почему на это так нацелены врачи.

Суть методики следующая. Предлагается путем переноса ядра соматической клетки пациента в яйцеклетку женщины-донора (иначе говоря, путем клонирования) предварительно создать эмбрион, являющийся генетической копией пациента. Из этого эмбриона выделяются клетки, которые способны развиваться в любом направлении. Ведь из нескольких клеток первоначального зародыша впоследствии формируются все разнообразные органы человеческого тела. Причем эти клетки - они именуются стволовыми - будут идентичны больному человеку по своему генетическому составу. Они будут приживаться идеально. И их, как полагают, можно будет запрограммировать на замещение пораженных дегенерацией клеток больного организма.

Но на самом деле стволовые клетки существуют и во взрослом организме. Подобные клетки без посягательства на жизнь выделяют из пуповины, крови, костного мозга и других тканей человека. Другое дело, что преодоление реакции отторжения в таком случае является намного более сложной задачей. Однако, по прогнозам многих ученых, в пределах десятилетия можно ожидать разрешения этой медико-биологической проблемы.

Этот путь намного труднее, но зато он не связан с теми колоссальными нравственными потерями, на которые оказались готовыми пойти ученые Великобритании. Известно, что решение британского парламента вызвало очень острую реакцию в самой стране и во всем мире. Суть возражений та же, что и в случае «фетальной терапии»: мы не вправе уничтожать одни человеческие существа для того, чтобы помогать другим.

Как относиться к гомосексуальной «семье»?

- Гомосексуальная, по сути - содомская - «семья» усиленно утверждается во всем мире. В некоторых западных церквях даже венчают такие противоестественные браки. Обществу предлагают также очень терпимо относиться к так называемой «нетрадиционной» сексуальной ориентации, а родителям - не препятствовать своему ребенку, если он проявит содомские наклонности. Как Церковь относится к этим вызовам цивилизации?

- «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость», - говорит Закон Божий (Лев. 20:13). И апостол Павел называл гомосексуальные

отношения в числе наиболее «постыдных страстей» и «непотребств», оскверняющих человеческое тело:

«Женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение» (Рим. 1:26-27).

Тем, кто пытается оправдать гомосексуализм, адресованы и другие слова того же Апостола в послании жителям развращенного Коринфа: «Не обманывайтесь... ни малакии, ни мужеложники... Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9-10). О том же писали и отцы Церкви. Из множества страниц с осуждением содомии, достаточно привести яркие слова преподобного Максима Грека: «Познайте себя, окаянные, какому скверному наслаждению вы предались!.. Постарайтесь скорее отстать от этого сквернейшего вашего и смраднейшего наслаждения, возненавидеть его, а кто утверждает, что оно невинно, того предайте вечной анафеме, как противника Евангелия Христа Спасителя и развращающего учение оно. Очистите себя искренним покаянием, теплыми слезами и посильною милостынею и чистою молитвою... Возненавидьте от всей души вашей это нечестие, чтобы не быть вам сынами проклятия и вечной пагубы».

Так что не вызывает ни малейшего сомнения обоснованность вывода, включенного в «Основы социальной концепции»: «Священное Писание и учение Церкви недвусмысленно осуждают гомосексуальные половые связи, усматривая в них порочное искажение богозданной природы человека» (XII. 9).

Сегодня мы видим, что под видом защиты прав представителей так называемых сексуальных меньшинств обществу навязывают признание гомосексуализма не половым извращением, но лишь одной из возможных «сексуальных ориентации». Подразумевается, что гомосексуальные пары должны получить равные права с богоустановленным браком: к ним, будто бы, следует относиться с тем же уважением, предоставить им те же возможности общественной поддержки и свободу публичного проявления. Все чаще утверждают, что гомосексуальное влечение всецело вызвано природной предрасположенностью. Однако до сих пор никому из ученых не удалось доказать факта такой врожденной, генетической обусловленности гомосексуализма. Так или иначе, «Православная Церковь исходит из неизменного убеждения, что богоустановленный брачный союз мужчины и женщины не может быть сопоставлен с извращенными проявлениями сексуальности. Она считает гомосексуализм греховным повреждением человеческой природы, которое преодолевается в духовном усилии, ведущем к исцелению и личностному возрастанию человека. Гомосексуальные устремления, как и другие страсти, терзающие падшего человека, врачуются Таинствами, молитвой, постом, покаянием, чтением Священного Писания и святоотеческих творений, а также христианским общением с верующими людьми, готовыми оказать духовную поддержку».

Мы понимаем, что есть люди, страдающие гомосексуальными наклонностями. И Церковь не должна лишать таких людей своей пастырской сострадательной заботы. Каждый человек, являясь образом Божиим, заслуживает, чтобы к нему относились с уважением и любовью. Но в то же время всякие попытки представить греховную

тенденцию как «норму», а тем более как предмет гордости и пример для подражания, никогда не получают поддержки со стороны Церкви. Поэтому документ Архиерейского Собора призывает к решительному противостоянию пропаганде гомосексуализма. В том числе и через запрет на допуск лиц, восхваляющих гомосексуальный образ жизни, к преподавательской, воспитательной и любой иной работе с несовершеннолетними. Поборники гомосексуализма не должны также занимать должности такого рода, которые открывают для них возможность насильственного принуждения, насильственного соращения зависимых от них людей - скажем, им нельзя работать в тюремной системе, где у них будет власть над заключенными, они не должны быть офицерами в армии, где у них будет власть над солдатами. И Церковь сочла необходимым ясно сказать об этом.

- В некоторых странах, в частности, во Франции, гомосексуальным «семьям» разрешено усыновлять детей. И даже в России, как известно из некоторых публикаций печати, гомосексуальные пары заводят детей при помощи новых репродуктивных технологий - например, путем суррогатного материнства. Как относится к этому Православная Церковь?

- Вместо того, чтобы толковать о правах гомосексуалистов, в таких случаях следовало бы в первую очередь подумать о правах ребенка. Самое основоположное из них - иметь папу и маму. Ни гомосексуальные союзы, ни «одинокое родители» не могут этого права обеспечить. Поэтому в соборном документе и сказано: «Употребление репродуктивных методов вне контекста благословенной Богом семьи становится формой богоборчества, осуществляемого под прикрытием защиты автономии человека и превратно понимаемой свободы личности» (XII. 4).

- А как относиться к тем людям, которые ощущают себя представителями другого пола - отличного от того, в котором они родились? Надо ли идти им навстречу?

- Подобный вопрос был поставлен перед рабочей группой по выработке «Основ социальной концепции» одним из архипастырей нашей Церкви. Причем вопрос оказался отнюдь не умозрительным - в его епархии один из активных участников приходской жизни оказался человеком, искусственно изменившим свой пол при помощи хирургической операции. «А что, если он батюшкой захочет стать?» - спросил владыка. И как быть, если такой человек приходит креститься: кого крестить-то, раба Божия или рабу Божию? Далее возникают и вопросы о венчании... Действительно, встречаются люди с болезненным ощущением принадлежности к противоположному полу. Мне и самому приходилось сталкиваться с такими случаями в пастырской практике. Называется это явление транссексуализмом. Некоторым из транссексуалов удается хирургическим путем с параллельным воздействием больших доз гормональных средств сменить внешние половые признаки. Однако опыт показывает, что в результате внутренний личный кризис не разрешается, а в большинстве случаев лишь обостряется. «Бунт против Творца» до добра не доводит. Поэтому в «Основах» записано: «Церковь не может... признать действительной искусственно измененную половую принадлежность. Если "смена пола" произошла с человеком до Крещения, он может быть допущен к этому Таинству, как и любой грешник, но Церковь крестит его как принадлежащего к тому полу, в котором он

рожден. Рукоположение такого человека в священный сан и вступление его в церковный брак недопустимо» (XII.9).

Устарела ли традиционная семья?

- Отец Николай, завершая наш разговор о нелегких проблемах современной семьи, можно ли согласиться с утверждением, что традиционная семья устарела и будет вскоре разрушена повсеместно? Неужели она сохранится лишь на некоем малом островке верующих православных христиан?

- Мне, признаюсь, не нравится это выражение: «традиционная семья». Предполагается, по-видимому, что есть еще какая-то другая, «нетрадиционная»? Об этом, действительно, нередко теперь говорят. Например, Международная федерация планирования семьи заявляет, что семья в их понимании - это «всего лишь теоретическое понятие, имеющее отношение к небольшой группе людей с тесными взаимоотношениями. В настоящее время она может принимать самые различные формы». Эта федерация, как утверждают ее идеологи, «поддерживает право человека на свободный выбор в отношении типа семьи, в которой он хотел бы жить. Таким образом, она признает множественность типов семьи, которые должны иметь равные права. Нельзя содействовать какому-либо одному типу семьи»³! Однако Бог, как мы знаем, изначально благословил только один-единственный «тип семьи» и непрестанно «содействует» ему, именно на нем веками держалась вся человеческая история, вся цивилизация! Сожительство люди, конечно, могут во всевозможных вариантах. Только вот, как опыт показывает, гармонии и счастья в них нет. Потому что они, эти искусственные затеи, построены на идее получения от жизни максимального удовлетворения собственных потребностей. А богозданная семья - на самоотдаче ради любимых. Потому-то она и крепка.

Что же касается будущего - не берусь пророчествовать. Знаю одно: гибель семьи стала бы и гибелью человеческого общества. Ведь никакие социальные институты не могут заменить семью в формировании личности. Почему семью называют домашней Церковью? Потому что в ней люди строят свои отношения на основе закона любви. Именно в семейном общении человек учится преодолевать свой греховный эгоизм. Именно здесь узнает, «что такое хорошо и что такое плохо». Здесь, в семье рождается чувство живой преемственности поколений, ощущение сопричастности к истории своего народа. Именно с семьи «начинается Родина». Уклад жизни современного общества, к сожалению, способствует разрушению традиционных семейных связей. Работа, успехи в профессиональной области, погоня за достатком все более выходят на первый план и для мужчин, и для женщин, не оставляя сил для воспитания детей. И даже верующие люди часто не воспринимают общение с супругами и с детьми как что-то духовно значимое в их жизни.

Но мы знаем: что бы ни происходило в окружающем мире, Церковь Христова пребудет в нем, доколе Господь придет (1 Кор. 11:26). А значит, пребудет до скончания века и малая Церковь - христианская семья.

³ Журнал «Планирование семьи», № 2, 1994.

Мне бы хотелось закончить нашу книжку словами, которые произнес Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в своем выступлении на юбилейном заседании Епархиального собрания города Москвы 15 декабря 2000 года: «Семья - это образ Святой Троицы. Отец, мать и дитя - три ипостаси единого по существу творения Божия. Адам от Бога, Ева от Адама, дети от них, а благословил размножение Сам Господь. Это должен знать каждый школьник.

За две тысячи лет исчезли многие народы, рухнули цивилизации, погибли миллионы людей, исчезли культуры и языки. Церковь же стоит и будет стоять до конца веков. Почему? Потому что она стоит на крови, жертве, подвиге любви Бога и людей, последовавших за Христом, которых мы называем столпами Церкви. А семья, эта малая Церковь, разве не стоит твердо только на любви и жертве, на служении каждому целому? Конечно, это так. И этому тоже надо учить детей и подавать им в том пример, а не спорить до бесконечности о том, кто прав более другого. Церковь первохристианских времен победила мир любовью. Посмотрите, говорили внешние, как они любят друг друга. А мы часто готовы спорить друг с другом из-за сущих пустяков. А ведь наша правда часто не совпадает с Христовой Истиной.

Я хотел бы призвать наших пастырей... большее внимание в своей деятельности уделять вопросам сохранения и укрепления семьи, а также воспитанию и христианскому образованию молодежи именно в вопросах семьи, брака, воспитания. Если Церковь будет укреплять семью, а зачатых детей спасет от почти закономерного убийства, мы спасем и Святую Русь, а по-христиански воспитывая детей, обеспечим будущее христианства на нашей земле, обильно политой кровью мучеников. Не надо забывать слов Христа Спасителя первым Своим ученикам, священнослужителям-апостолам: "Идите, научите все народы " (Мф. 28:19)».

За этими простыми и проникновенными словами стоит не только глубокий пастырский опыт, но и опыт счастливой жизни в семье. В одном из своих недавних интервью Святейший сказал: «Мне с моими родителями сказочно повезло: они всегда меня понимали».